

A misty forest landscape with a lake and tall trees. The scene is dominated by a dense forest of tall, thin trees, likely spruce or fir, which are reflected in the calm water of a lake. The atmosphere is hazy and ethereal, with soft light filtering through the canopy. In the foreground, there are some reeds and a small, dark, gnarled tree stump in the water.

СЕРГЕЙ БАЙБАКОВ

**КУРГАН 2
ЛЕСНЫЕ БОГИ**

Сергей Геннадьевич Байбаков

Курган 2. Лесные Боги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29417073

SelfPub; 2018

Аннотация

Оказывается в родном доме – в лесу – есть такое колдовское место, о котором венды, спешащие за помощью к мудрому волхву, и понятия не имеют. Решив выяснить, что это такое, они неосторожно приблизились к нему... Меж тем русалки, озабоченные тем, что творилось ночью на Гнилой Топи, обнаруживают на древнем болоте странно одетого человека и невиданного доселе зверя.

Содержание

ГЛАВА 1. Мертвецы разные бывают	4
ГЛАВА 2. В которой рассказывается о событиях десятилетней давности, когда к вендским лесам подошло несметное число дикарей	36
ГЛАВА 3. Как смекалка разрушила злой умысел викингов	75
Конец ознакомительного фрагмента.	107

ГЛАВА 1. Мертвецы разные бывают

Спину жгло так, будто меж лопаток раскаленный нож воткнули! Прозор посерел. По лбу текли крупные капли пота. Тело пробрала холодная дрожь. Да что ж такое! Только отъехали от зимовья – и на тебе! Дыхание перехватило: ни вдохнуть, ни выдохнуть! Боль переместилась левее – к сердцу. Поколола грудь и исчезла так же внезапно, как и появилась.

Прозор перевел дух и медленно повернулся в седле. Боялся, что неожиданно возникшая и так же неожиданно пропавшая боль вернется. Снова ткнет под сердце. Нет – обошлось. Что это было? Непонятный, неожиданный и резкий удар пришел сзади, от охотничьего зимовья, в котором они ночевали вместе с отрядом викингов.

У зимовья стоял ярл Витольд. Увидев, что Прозор оглядывается, и смотрит на него, викинг поднял в прощальном приветствии руку и заулыбался. Только скверная улыбка вышла у ярла. Как звериный оскал. Ярл Витольд вскочил на коня, и, хлопнув клешнистой ладонью по крупу, погнал жеребца вслед своего отряда. Вестфолдинги скрылись за деревьями.

Вроде бы и ничего особенного – викинг ждал, пока отъедут венды. Провожал. Только вот Прозор видел полные злобы глаза вестфолдинга. Не просто так ярл смотрел им вслед.

Не просто так... Люто ненавидел, темные чары насылал.

«Эге, – подумал Прозор, – да никак Витольд с черным колдовством знается? Так-так...»

Дружинник быстро глянул на своих друзей: княжича Добромилу, старика Любомысла и двух молодых увальней – дружинников Борко и Милована. Не почувствовали ли они чего? Не садануло ли по ним странной болью? Нет, едут спокойно. Только княжич Добромил бледен. Под глазами у мальчишки обрисовались темные круги. «Ну это от пережитого и бессонной ночи, – решил Прозор. – Отдохнет – все пройдет...»

А княжеский наставник Любомысл хмурился: мало всякой дряни прошедшая ночь принесла! Всем досталось! Сразу же шесть погибших дружинников по лунной дорожке к Велесу ушло. Их, бедолаг, нежданная волна накрыла. У остальных нежить души высосала и неведомо куда унесла. Да один упырь-албастр, что Борко чуть зайкой не сделал, чего стоит!

Хорошо, что эта нечисть в башню не вошла, иначе бы смерть быстрая и худая всех постигла. А каменные валуны, что невидимая глазу летучая нежить градом на башню обрушила? А твари мерзкие да невиданные, что из провала в Гнилой Топи наружу ползли? А змей многоногий, прозрачный, что башню обвивал, призрачным ядом на каменные плиты капал? Хорошо, что хоть в море ушел – прочь от этих мест. Да, было над чем поразмышлять.

Мысли старого морехода перешли на другое ночное видение, на укутанный в хламиду призрак, который хохоча листал истрепанную книгу на всей ночной жутью.

Кто он? Какие темные силы призывал? Сейчас Любомысл понял, что этот хохочущий морок и есть главная причина всех бед.

Да-а... Иному за всю жизнь столько страхов не выпадет, сколько за несколько ночных часов на их долю привалило. Чудом живы остались. Раны не в счет. Да и ранами-то назвать сложно: подумаешь, его камнем по башке садануло, Борко руку перебило, и Велиславу бок помяло. Заживет. Казалось, что все позади, но старика снедала непонятная тоска. Еще не все закончилось, ох не все!

И тут у Прозора заломило виски. Порой с сильным дружинником такое случалось. Да ладно, если бы голова просто болела, это не страшно. Живущие в лесах венды умели приглушать – даже на длительное время – любую, временами казалось нестерпимую боль.

Этому умению вендские ребятишки обучались с младых ногтей. Для этого надо только проговорить про себя, а лучше прошептать вслух заветные слова. Пошептав, представить себе, что боль не так уж сильна, и погрузившись в нее, отдавшись всецело, нащупать ее слабое место и представить, что боль тает, будто весенняя сосулька на солнце.

И хотя у каждого рода заговор был свой, соплеменники всегда приходили на помощь друг другу. Ведь у каждого вен-

да был свой прародитель – мудрый, ловкий и сильный зверь. А лес роднит то, что звери, живущие под его сенью, друг без друга просто пропадут.

Благодаря такому способу, уже будучи подростками, венды не обращали особого внимания ни на серьезные раны, ни на сильные ушибы. Силы воли и продолжительности заговора хватало, чтобы легкой ногой добраться до знахаря или ведуна – умеющих помочь в неожиданной беде.

А если уж приходилось совсем туго (придавило ль деревом, переломав кости, или серьезно покалечил лесной зверь) и подмоги ждать было неоткуда, то обращались за помощью к самому Лесу. Лес помнит и добро, и зло. И отвечает: добром – на добро, а злом – на зло. А венды Лесу зла никогда не чинили. Не получилось бы. Они его часть, такая же, как и живущие в нем звери.

Вендские заповеди учат, что отдавать кормильцу и населяющим его духам надо больше чем взял. Не жадничай – человеку много не надо. Ведь в Нижний Мир легче уйти, не обременяя себя ничемным грузом.

Взял жизнь у зверя – помоги, коли встретишь, беспомощным детенышам, чья мать погибла. Срубил дерево – выходи, коль увидишь, погибающий росток: полей, или перенеси из глухого места на солнце. Это несложно, а Лес запомнит доброту и отблагодарит сторицей. А в случае крайней необходимости – поможет в мольбе и боль на время исчезнет.

Вот и Борко совладал с дергающей руку болью. Все ощу-

тили, когда он призвал помощь Леса. Вендов будто накрыло теплом и добротой.

Но Прозор знал, что унять лому в висках никаким образом не получится. Ни у него самого, ни у Леса. Да и не стоит ее унимать – это предупреждение: что-то не так, где-то подступает неведомая опасность.

Такое необычное, обостренное чувство приближающейся угрозы тоже дар, полученный Прозором в детстве, на Гнилой Топи, в ночь, когда он сорвал цветок папоротника и видел, что на древнем болоте бродят мертвецы в странных одеяниях.

Деревенский знахарь, отец его детской подружки – Беляны, не догадывался об этом, да и откуда ему знать? Когда боль появилась в первый раз, и Прозор ничего не мог с ней поделать, он испугался.

Со временем мальчишка понял, что боль исчезала после того как он сделает что-то очень важное. Как правило, саднящие виски удары указывали, что не следует идти прото-ренным, обычным путем. Что надо или обойти на вид приветливое, но на самом деле дурное место, или вернуться, или найти причину грозящей опасности.

Наверное, это мертвяки из Гнилой Топи наградили его таким умением. Видимо при жизни, каждый из них совершил какую-то, стоившую жизни, ошибку. И после смерти мертвые знали, что не пойдут они туда-то, и не сделают того-то, – остались бы живы. Наверно они жалели об этом, и передали

такой дивный дар смелому вендскому мальчишке.

«Что ж, – решил Прозор, – раз боль не отпускает и становится сильнее, значит надо остановиться на привал, поразмыслить в поисках иного пути или даже вернуться обратно. Это несложно, отъехали-то всего ничего – времени немного потеряем...»

Выехав на лесную прогалину, богатырь остановился. Прислушался к дергающим виски ударам и направил коня обратно. Так и есть! Боль сразу стихла, – значит, он на верном пути. Но всем возвращаться не следует – такого рода сигналы касаются только его одного, это Прозор давно уяснил.

Спешившись, воин передал поводья Миловану.

– Попридержи жеребца, парень. Я скоро... – Пресекая вопросы, Прозор поднял руку и мрачно сказал: – Что-то не так. Надо выяснить. Вернусь – расскажу.

По своему обыкновению Прозор бесшумно и быстро скрылся в лесу. Даже при утреннем свете Добромир не понял, как это у него получалось. Только что дружинник стоял рядом, и вдруг, скользнув к ближней сосне, будто исчез. Только и мелькнула от дерева к дереву смутная, быстрая тень.

Любомысл, пожав плечами – мол, мы, конечно, подождем, но что случилось? – вопросительно глянул на Милована, на Борко.

– Чтой-то наш друг еще удумал? А, лесные люди?

– Значит, так надо, – ответил Милован. – Прозор знает,

что делает. Нам с Борко до него далеко: мы воины молодые – нам еще учиться и учиться. И чутью, и осторожности, и всему... Захотел бы – сказал. Сам знаешь, старче, выдержки Прозору не занимать: решения принимает не раздумывая, время ценит. Он и нас всегда учит, мол, порой так бывает: миг упустишь – жизнь потеряешь.

– Угу, – подтвердил Борко. – Верно, на охоте так часто бывает. Раздумывать некогда. Вернется – расскажет. Ты б тоже, Добромил, учился у старших, как и мы.

– Да я что, – улыбнулся княжич, я у вас у всех учусь. Хочу такими как вы стать... настоящим вендом.

– Станешь, станешь, – засмеялся Милован, – еще и турий пояс добудешь, как подрастешь. Да такой, что все охотники обзавидуются. Ладно, ждем. Разговоры откладываем – слушаем лес, смотрим по сторонам. Может, почуем, когда Прозор будет возвращаться. Все хочу его подловить... Давайте на спор, кто первый его обнаружит.

– Я не буду, – улыбнулся Борко. – Ни разу не получилось его первым увидеть, сколько не пытался. Прозор – как дух лесной.

– Мне бы так... – тихонько вздохнул Милован.

Любомысл, закрыл глаза и подрёмывал, решив положиться на молодцев. Они, конечно, не такие мастера как Прозор, но... но не хуже, просто опыта меньше.

Борко подставил лицо слабому ветерку, блаженно жмурился, радуясь, что саднящая боль в руке унялась; благода-

рил батюшку-лес за помощь.

А Добромир с Милованном затаив дыхание зорко оглядывали окружающий лес: смотрели и вглубь, и перебежали глазами на ближние деревья и кусты – не мелькнет ли где чуть заметная тень? Кто первый увидит Прозора?

Если бы не пофыркивание щипавших траву лошадей, то на месте остановки стояла бы мертвая тишина, и наверняка на лесную прогалину уже выскочил бы какой-нибудь зверек.

Но большие, может опасные животные, незнакомый запах и издаваемые ими фыркающие звуки заставляли обитателей этого места держаться в стороне.

Венды чувствовали, что лес вокруг них ожил, он полон лесными жителями и на них смотрят десятки любопытных глазенок. Не то, что ночью, у Древней Башни, когда казалось, что окрест страшного места все вымерло.

Солнце позолотило верхушки сосен. Прозрачное, без единого облачка небо сулило чудесный, и, может даже, более теплый день, чем вчера. За ночь нежная зелень исчезла, всё буйно пошло в рост, и сейчас деревья были окутаны плотным лиственным убранством.

Прозор появился так же неожиданно, как и исчез. Добромир и Милован переглянулись, а Любомысл только досадливо крякнул, когда сзади, чуть ли не в ухо прогудел знакомый басовитый голос:

– О чем грустишь, старче? Что нос долу смотрит?

– Ну тебя! Так ведь и помереть недолго – от твоей внезап-

ности! Дремал я, вот носом и клевал. Не выпался, сам знаешь... Откуда взялся? Тебя ведь, вон, – Любомысл кивнул на Милована и княжича, – ясноглазые отроки высматривали. Я думал, в листве дыры пробуравят своими очами.

– А это я на всякий случай молодым показал, что когда в дозоре стоишь, надо не только в оба глаза смотреть и в оба уха слушать. Для службы, да и для охоты этого маловато. Надо нутром чують, что вокруг тебя творится. Ну-ка, молодцы, сознавайтесь – кто знал, что я к Любомыслу крадусь?

И Милован, и Добромил сознались, что не видели, не слышали, и даже нутром не чуюли Прозора. И вообще – он ничем не хуже давешнего морока: может с любым наваждением на равных посостязаться... если желание возникнет.

Борко улыбнулся:

– Я знал, что ты идешь, только не говорил. Я тебя верховым чутьем учуял. Ветерок запах донес – от тебя зимовьем пахнет. Тебе надо было с подветренной стороны заходить.

Прозор расхохотался, вскочил на жеребца и тронул повод.

– Ну вот, теперь можно и дальше путь держать – моя душа спокойна.

– Отчего спокойна? – поинтересовался Любомысл. – От того, что Борко тебя учуял? Или вызнал, что хотел? Ты зачем возвращался? А, Прозорушка?

А меж тем улыбка сошла с лица предводителя. Помрачнев, великан неохотно пробурчал: – Зачем, зачем... Затем, что говорил я вам – не по нутру мне этот Витольд! И вооб-

ще – я вестфолдингов не люблю. Как только вспомню, что они и Триград захватить хотели, и десять лет назад дикарей на наши леса вели, так внутри все закипает. А особенно Витольда не выношу! За жестокость, за то, что кровь любит. Дай ему волю, он бы в крови поласкался, да пил ее по утрам, вместо кваса. Знаете, еще один дар у меня есть: если неладное чувствую, то виски начинает ломить – сил нет! И пока не визнаю, в чем дело, на верный путь не встану, боль не отпустит. Я к ней прислушиваюсь. Вот и сейчас, только от зимовья отъехали, так она в виски как саданёт! Да, думаю, что-то не так, вернусь-ка, гляну.

– И что же? – спросил Любомысл.

– А вот. Посмотрел, куда викинги направились. Точно ли, к Древней Башне, к Велиславу на выручку, или еще куда...

Прозор, насупя брови, замолчал. По всей видимости, обдумывал виденное. У Любомысла тревожно ёкнуло и заколотилось сердце: если друг начинает говорить загадками, и внезапно смолкает, погружаясь в себя, значит что-то не так. Старик хорошо знал об этой черте Прозора. Есть у него такая привычка – скрытничать. Особенно когда дело важное, и его необходимо обмозговать. Сколько раз Любомысл пенял ему: «Прозорушка, ум хорошо а два лучше! Поделись, я тоже молчать и думать буду. Время же уходит, а его не вернешь! Вдвоем быстрее сообразим...» И вот поди ж ты – друг снова в одиночку размышляет. Старик вздохнул: видимо эта привычка неистребима – что с детства заложено, то... Придется

по слову истину вытягивать.

Старик знал своего друга. И понял, что не просто так тот куда-то отлучился. Эх! Видимо Прозор еще что-то поганое вызнал. И не ночью – а только подумать! – ясным утром, когда только жить да радоваться. Надо же! Скорей бы до волхва Хранибора добраться, к Велиславу на выручку вернуться, да с Гнилой Топью на веки вечные разобраться.

– Ну, и что ж ты выяснил? Поделись.

– Витольд в зимовье возвращался, – с неохотой ответил Прозор. – Спешил. Коня гнал. С жеребца соскочил и шасть в пристройку, где всякая охотничья да рыбацкая снасть хранится.

– Ну и?.. Мало ли что ему там понадобилось. Витольд тоже охотник: вон, и пояс у него турий. Не у каждого есть... – переглянувшись с Борко, вздохнул Милован.

Прозор только досадливо крикнул. Ну какой из Витольда охотник? Душегуб – он и в лесу душегуб. Прозор сильно сомневался, что хваленый пояс, что был вырезан со спины тура, ярл викингов добыл честно, исполнив все положенные требы. Не такой он человек – этот Витольд. От него темная сила и злоба исходит. Еще он внушает людям непонятный страх. Они сами этого не осознают, но Прозор-то чувствует! Страх этот сродни тому, что он в детстве испытал мальчишкой, когда сдуру пошел на Гнилую Топь рвать папоротников цвет. Мертвяки, что бродили по болоту, изливали такой же. У Прозора возникла неожиданная мысль, что пришлый ярл,

и древнее болото каким-то образом связаны. Меж ними есть что-то общее. Но что? Мысль неожиданно возникла, и так же неожиданно исчезла. Будто кто-то стер, словно след на речном песке. Теперь Прозор помнил только о том, что увидел в зимовье.

– А то парни, – с какой-то брезгливостью протянул предводитель. – Я вам ночью ничего не сказал, да и сегодня ничего говорить не хотел. Ну да ладно! Ночью, прежде чем вас в зимовье вести, я окрест него все осмотрел, подозрительные кустики обшарил, да в пристройку заглянул. Там с ночи свежий покойник лежал. Викинг, берсерк. Из дружины Витольда. Его Фритьоф звали. Вы все его видели – тот, что от Витольда ни на шаг не отходил.

Борко даже содрогнулся, – насколько буднично и серьезно произнес это Прозор. После того, как прошлой ночью парень вплотную столкнулся с упырем, и натерпелся страхов в Древней Башне, Борко стал недоверчивым и подозрительным. Злополучная ночь не прошла даром: еще долго в каждом покойнике молодой дружинник будет видеть готового восстать и броситься на него упыря.

Да еще многое повидавший за свой век Любомысл полил и взрастил эти страхи жутковатыми историями. Парень даже подумать не мог, что в мире водиться столько нежити. Когда выбрались из Древней Башни и ехали по ночному лесу, Борко было очень страшно, хоть он, как и положено дружинному воину, не подавал вида. С рассветом страх улетучился.

И вот... Да знай парень, что остаток ночи он проведет под одной крышей с мертвяком, – в жизни не стал бы в зимовье ночевать! Лучше в родном лесу, там хоть на дереве можно безопасно ночь скоротать. А у костра вообще ничего не грозит – лесной зверь огонь уважает, близко не подойдет. Лишь во тьме будет огоньками глаз посверкивать.

От таких новостей к воину даже боль вернулась. Парню ощутимо дернуло руку. По телу прошла горячая волна. Борко хрипло прошептал: – И что?

– А то, други мои. Не знаю, что там Витольду надо было, только когда он уехал, на этот раз окончательно, сунулся я в пристрочку – захотелось мне, вишь ли, на мертвяка еще разок глянуть.

– Уф!.. – выдохнул Милован. – Ну и? Что ж ему еще надо было, у мертвяка? Что думаешь?

– Что – «ну и»? Знаю только, что Витольд мертвецу глаза медяками прикрыл. Вот что он сделал. Монеты у покойника с глаз еще ночью свалились, – он с открытыми глазами лежал – веки видимо опустить не могли. Я ж в темноте все вижу. И знаете что?

– Что?! – в один голос завопили Милован и Доброил. – Что, Прозор?!

А Борко – тот только что-то невнятно промышчал. У парня не было слов – уж больно таинственно и страшно понизил голос Прозор. Сейчас точно, что-нибудь жуткое расскажет. Ну сколько ж можно!

– Что ж тебе не по нраву пришлось? – как-то отрешенно спросил старый венд. – Ну вернулся Витольд покойника проведать, и что?

– Это по твоей части, мудрый Любомысл, – то ли ехидно, то ли горько протянул Прозор. – Ты у нас знаток всякой нежити: знаешь, где она водится, как выглядит, что любит. Я ночью плохую штуку видел: мертвяк с открытыми глазами лежал, потому что монеты на них не держались. Один медяк в изголовье, супротив уха валялся, а другой на груди, под шеей. Сразу видно – свалились... не сами по себе. Странно, да? Как это так – что тяжелые монеты с глаз сами по себе скатываются? Покойник, что, головой вертел? Я не знаю. Вернее не знал. Сейчас утром увидел, в чем дело. Видимо, когда вестфолдинги своего мертвяка в пристройку положили, то по обычаю ему глаза деньгами прикрыли. А медяки-то возьми и свались! Витольд видать это учуял, вернулся и их подправил. А может, ему еще чего надо было. Не знаю. У покойника, у Фритьофа и при жизни взгляд страшный был. Сами видели. Одно слово – берсерк. А тут... – охотник поморщился, вспоминая увиденное непотребство, – у мертвеца глаза и вовсе безумными стали. Такого взгляда ни в какой сече не увидишь, у лесного зверя такого бешенства нету. Глазища тупые, сквозь тебя смотрят, и, кажется, все на свете сожрать хотят. Жутко мне стало, а ведь вы знаете – я не робкого десятка. Когда Витольд уехал, я в пристройку прокрался. Огляделся, монеты у мертвяка на глазах лежат, как поло-

жено. Вдруг шелестнуло что-то. Глядь, а у мертвеца с левого глаза медяк снова слетел! Наверно, он его взглядом спихнул – на белый свет не нагяделся. А правый глаз еще прикрыт, и монета на нем подрагивает! В общем, плюнул я, мысленно конечно, и обратно отправился. Ну его к лешему, этого Фритьофа! Даже думать не хочу, отчего он, вроде бы мертвец, но смотрит. Не хватает, чтоб еще голову поднял. Мало я всякой жути ночью насмотрелся! Еще и этого не хватало. Я всегда говорил: от викингов добра не жди! Ни от живых, ни от мертвых, – подытожил Прозор.

Мда-а... Этакой страсти еще не хватало! Хоть напрямую вендов это и не касается – покойный берсерк им не был ни другом, ни даже близким знакомым – но после ночных событий все видится в ином свете. Нежданно-негаданно появился покойник, которому мешают прикрывающие глаза медяки. К чему все это? Зловещее совпадение, перекликающееся с тем, что творилось на Гнилой Топи? Или случай? Но какой тут к лешему случай! Все взаимосвязано. И Любомысл, и Прозор и даже маленький княжич Добромысл, не говоря уже о молодцах, были в этом уверены.

Любомысл лихорадочно соображал: а не слышал ли он что-нибудь, когда-нибудь о мертвецах, на глазах которых не держаться монеты? Что-то ничего подобного бывалый мореход припомнить не мог, хотя в портовых корчмах и придорожных тавернах народ собирается разбитной, и за кружкой другой крепкого напитка расскажет, и правду похожую на

откровенное безыскусное вранье, и ложь – неотличимую от чистейшей правды. Но о покойниках, сталкивающих взглядом медяки и ненасытно глядящих на белый свет безумными глазищами никто, вроде бы, не рассказывал.

– Кстати, – добавил Прозор, – ты ведь у вестфолдингов много лет прожил, старче. Вот и скажи нам – как они своих покойников хоронят, в последний путь провожают? Я о воинах говорю, о тех, кто по их меркам себя при жизни великою славою покрыл. А то мне что-то невдомек: полночи под одним кровом вместе просидели, бочонок грута распили – весьма, кстати, неплохого, – и ведь никто – слышишь, никто! – вида не подал, что у них товарищ погиб. Будто не было его вовсе, будто имя его позорному забвению предали. Будто не воин он славный – великий берсерк, а жалкий трус – битвы убоявшийся! В чем дело, мудрый Любомысл?

Любомысл, досадливо крякнув, с силой хлопнул по луке седла. Да так, что его спокойная лошадка даже вздрогнула и скосила не ездока влажный темный глаз. Обычно всадник вел себя спокойно, позволяя делать ей всё, что заблагорассудится, ну почти всё. Наверно каурая кобылка, глядя на идущих рядом жеребцов, с гордо восседавшими на них беспокойными молодыми всадниками, мысленно благодарила судьбу, что ей достался такой спокойный и рассудительный наездник. Что ж забеспокоило её хозяина? А старика обеспокоило вот что: а ведь верно – дело и вправду нечисто! Вестфолдинги провожают своих героев в Нижний Мир тор-

жественно. Долго славословят и говорят напыщенные речи, вспоминая какие подвиги совершил при жизни викинг; как он ловко и бесстрашно крушил своим коротким мечом врагов и сколько их отправил на прокорм к страшной богине Хелль. Как ловко и сильно он греб тяжелыми веслами, ведя драккар ярла к победе. Боги должны знать, что к ним идет не простой вестфолдинг, а оваянный славой великий воин.

А что, разве берсерк Фритьоф в глазах викингов не был героем? Нет – он герой, да еще какой! Он был берсерком! А это много значит – не каждый может призвать на себя благословение предка – могучего Бера и принять его облик.

Так почему же викинги всю ночь молчали, будто воды в рот набрали? Будто вообще не собирались хоронить Фритьофа, даже закопав его в землю и насыпав над могилой небольшой курган.

Впрочем, Любомысл никогда не видел, чтоб вестфолдинги просто так зарывали своих мертвецов в землю или прибрежный песок. Нет, они их торжественно сжигали. Для этого рубили струг, клали в него покойника, рядом с ним раскладывали вещи, необходимые для путешествия по Нижнему Миру. В руках мертвец-воин, одетый в броню, что носил при жизни, должен был обязательно сжимать верный меч – мало ли от каких злобных духов придется отбиваться. Если была возможность, то около струга приносили в жертву несколько рабов. Даже простой и небогатый викинг знал, что после того как он уйдет из этого мира, его будет кому сопро-

вождать и обслуживать. После того, как все было слажено по обычаю, струг сжигали. Если хоронили на земле, то над сгоревшими останками насыпали большой курган. Но лучше всего – так это пустить горящий струг по воде. Чтобы викинга сразу приняли и огонь, и вода, и воздух.

Так что рассказ Прозора о том, что в зимовье всю ночь пролежал не погребенный берсерк, представлялся известием о жутковатой тайне. В самом деле – ведь викинги даже не заикнулись о мертвце, будто это был не их товарищ, а пустая вещь – раб. О рабе можно было бы и не вспоминать: их много, они рабочий скот, и добыть их для викингов не составляло труда.

– Мда-а!.. Точно несуразица! – воскликнул Любомысл. – И не сожгли, и в землю не зарыли, и ни словом не обмолвились! Как же так? Ведь Фритьоф в Валгаллу не попадет! Ай-я-яй! Вот так Витольд! Вот так его дружина! Это что же они удумали?! Не иначе каверзу какую-то готовят? Ведь неприкаянный покойник – он же их товарищ, он же...

Старик не находил слов от возмущения. Где ж такое видано? Сколько лет он прожил бок о бок с вестфолдингами, делил с ними неизбежные морские тяготы, бился плечом к плечу на узкой, скользкой палубе драккара, и вот... Весь уклад боевого братства рушился на глазах Любомысла. На старого венда было жалко смотреть. Старик недоуменно обводил беспокойным тоскливым взглядом спутников. Губы его беззвучно шептали: – Как же так? Зачем?..

В глазах Прозора сверкнули зеленые искры. Правая рука легла на меч, пальцы, хрустнув, собрались один к одному – окаменев от напряжения. Дружинник, вскинув голову, резко выдохнул.

– Не знаю. На месте князя Молнезара я бы давно с Витольдом расстался. Мало того, что зверь-зверем: нет, чтобы просто поединщика убить, честь по чести – без затей, на части не кромсая, так он вон что делает, со своими воинами как поступает! Да и они, наверно под стать ему: каков хозяин – таков и слуга. Или я не прав, други?

– Прав, прав, – сказал Любомысл. – В Вестфолде жестокие нравы, не чета нашим. Там человека убить, что плюнуть. Но и то, о таком я не слышал: чтобы своего убитого товарища как мусор в кладовку бросить, позабыть, в Нижний Мир не проводить?! Нет, такого среди викингов не было. Не думал я, что на старости лет сподоблюсь этокое непотребство узнать. Недаром Витольд жалился, что его фьорд мятежный ярл Льот Чернобородый разорил. Значит, было за что. Я теперь даже сомневаюсь – правду ли Витольд говорил, когда на службу просился? Эх, вызнать бы получше, как на самом деле все происходило! Да где там. Мир велик, а до Вестфолда далеко. Был бы моложе...

Любомысл замолчал, ожидая, что Прозор подхватит невысказанную мысль и произнесет ее вслух. Смахнул со лба неожиданно выступивший липкий пот. Отчего-то стало жарко. Утро выдалось теплое, и судя по всему, днем солнце при-

гreet так, что лесной кров станет слабой защитой. А они в железах парятся. Зачем? Не разоблачится ли? Легче ехать будет.

– А не снять ли нам брони, Прозор? Опасности вроде бы нет, битв не предвидится. Чего на себе лишнюю тяжесть таскать?

Прозор, очнувшись от тягостной думы, разжал руку и задумчиво оглядел спутников. Мысленно представил, что бы сделал Велислав на его месте. Разоблачатся или нет? Вроде б спутники не изнурены, несмотря на выпавшие на их долю передраги. Только обычно румяный Борко бледен. Глаза, прежде живые и радостные, не светятся задорным огоньком. Впали, под ними обозначились темные круги. Тяжело парню, хотя руку ему Прозор вправил умеючи. Впрочем, и это пройдет.

«В самом деле, отчего б не снять лишнее? Любомысл дело говорит». Прозор как всегда неожиданно и с ходу принял решение. Подал пример, расстегнув у горла стягивающую плащ бляшку. Бережливо скатав черную плотную материю, из которой была сделана краса и гордость охранного отряда маленького княжича, сунул плащ в чересседельную суму. На ходу раздеваться оказалось неудобно.

– Привал, други! – Прозор соскочил с коня. – Снимем лишнее и переоденемся. Нечего тела в железах томить. Мы в лесу, а не на войне. Это в бою бронь нужна, а в лесу – ловкость, проворство и бесшумность. Спаримся только и дух от

нас поперет! Все зверье окрест распугаем. А так нельзя: мы ж не только дружинники – мы по рождению охотники. Тепло надо в чистоте держать. Заодно и раны твои осмотрим, – подмигнув Борко, засмеялся богатырь.

Он стянул пудовую кольчатую броню. Повел носом, да – запашок изрядный. Прямо с ног сшибает. Ополоснуться бы, а то на весь лес воняют. Они ж не хищники какие-нибудь, которым в лесу достойного соперника нет. Хотя даже хищные звери порой нарочно на земле валяются и по траве катаются, чтоб землей и лесом пропахнуть. А они тоже как хищные звери, тоже охотники. Венды. Нельзя, чтобы добыча их издали чуяла.

Спутники с удовольствием последовали примеру Прозора, с наслаждением стянув кольчуги, и поддетые под них плотные, чтоб железо не натирало тело, сваленные из шерсти рубахи. Легкий ветерок опахнул натруженные потные тела. Любомысл и Прозор славно удумали! Железная рубаха хороша в бою, но не на званом пиру, а уж тем более не в лесу. Ночью, когда их осаждала нежить, но не люди, кольчатая бронь еще как-то была оправдана. Она не только защитила от нападения, она давала поддержку богов. Каждый воин, одевая искусно выделанную, сплетенную из тысяч колец, кольчугу чувствовал, что за ним стоит тень громовержца Перуна – покровителя воев.

Но в родном лесу, при ясном солнечном свете, где и супостатов-то никаких отродясь не было, кольчуга лишь утяже-

ляла движения, и, самое главное, отнимала часть ловкости, коей так славились лесные охотники – венды. Всегда приходится чем-то жертвовать. Больше защиты – меньше ловкости, исчезает стремительность движений, венд не так подвижен. Больше проворства – тело больше уязвимо для вражьего железа.

«Без кольчуг лучше, – мелькнуло у Добромила, – хоть мы и княжьи дружинники, но родились охотниками. А лесной зверь желез не носит. У него из защиты лишь толстая шкура, чутье и опять же ловкость и стремительность». Отрок настолько сроднился с вендами, что даже уже в мыслях не отделял себя от них, считая себя вендом по рождению и даже просто учеником, – будущим дружинником в своем собственном охранном отряде, хотя таковым и не был. Ну что ж, его отец, князь Молнезар, знал что делал, отдавая сына на воспитание лесным охотникам.

Добромил с сожалением оглядел свою рубаху, по подолу которой шла густая бахрома. Ночью он из нее надергал нитей, чтоб привязать серебряные пластины под наконечники стрел. Этими стрелами они отбивались от нежити. Теперь это будет его любимый наряд.

Прозор увидел взгляд мальчика и, поняв его сомнения, улыбнулся.

– Оставайся в ней, княжич. Рубаха почти свежая. Ничем не пахнет. Верь моему чутью. До вечера можешь смело носить. Я скажу тебе так, Добромир: привычная одежда – самое

милое дело. Раз не хочется с ней расставаться, не меняй. Когда до волхва доберемся, и большой привал устроим, ты ее простирни. Рубаха на солнышке быстро высохнет. В обратный путь свежую наденешь.

– Хорошо, Прозор, – согласился мальчик. – Так и сделаю.

Сам же предводитель, на время принявший на себя бразды правления остатками отряда, оставшись в одних, выделанных из тонкой кожи портах и расшитых сафьяновых сапогах с наслаждением потянулся, с силой стукнув себя по могучей груди. Раздался гулкий звук.

Милован и Борко, переглянувшись, тихонько вздохнули. Им бы быть таким же сильными богатырями как Прозор. И ловкости его бы чуть-чуть прибавить. Они конечно как все венды тоже и ловки, и быстры, но Прозор – он наособицу. Вон каким мышцами невзначай поигрывает и главное – ни капли жира! А ведь ест не меньше их, молодцев. У него все в силу уходит.

Добромилу же, тихая зависть молодых дружинников была непонятна. Что такого? Он вырастет – тоже таким же как Велислав или Прозор станет. Вон, намедни обещали, что его в один из вендских родов примут. А это немало. Ой, как немало! Всем ведомо, что венд из определенного рода с рождения получает какую-нибудь особенность Прародителя.

Например Велислав, предводитель его охранного отряда, славится осторожностью и рассудительностью рыси. Рысь такой зверь – она скрытна, умеет таиться так, что мимо прой-

дешь и никогда не узнаешь, что сверху на тебя оценивающе смотрели два внимательных желто-зеленых глаза. Большая лесная кошка всегда всё обдумает, всё высчитает, и никогда не допустит небрежности, и уж, тем паче, – промаха.

Прозор же, к примеру, мощный, ловкий и по лесу ходит бесшумно, да так, что не хрустнет ни один сучок под мягким сапогом. Это оттого, что он из рода Лося. Сохатый редко шумит в лесу, внимания не привлекает. Тяжело заметить его большое тулово в поигрывающей солнечными зайцами листве. Это Добромил твердо знал. Опять же – отбиться от стаи волков, или хозяина леса – бера, большому рогатому коню не составляет особого труда. И нюх у Прозора, как у его достославного предка. Густые запахи осинового, березового, соснового коры предводитель различает без затруднений. Он как-то завязал отроку глаза и предложил обнюхать и на ощупь определить, что за дерево перед ним. Добромил тогда не ошибся, и заслужив похвалу немало ею гордился. Отрок понимал, что лесное умение просто так не дается...

Любомысл – он из рода Бобра. Такой же рассудительный, много знает и умеет. И воды не боится, как и его предок – мохнатый зубастый зверек. Вон, его наставник весь мир исходил, и не сгинул в морской пучине. Всем ведомо – бобр водный житель, вода его дом.

А еще есть Беры, Волки, Куницы... Куницы, к примеру, хищные юркие зверьки, и способны одолеть превосходящего по силам противника. Они ловкие и гибкие. Никогда не зна-

ешь, что сделает куница в нападении или обороне... И полет ее гнущегося тела неуловим для глаза.

Добромил как-то видел, как куница расправлялась с большим гадом, что затаился под лесной корягой. Гад шипел, высовывая длинный раздвоенный язык и зубастая пасть его все время оказывалась около тельца юркого зверька. Добромилу даже показалось, что на длинных зубах появились капельки прозрачного яда. Тогда мальчик так и не заметил, как удалось проворному бесстрашному зверьку ухватить шипящую тварь за шею, и переломить ей хребет. А ведь тот гад был сильно ядовит, Велислав сказал ему об этом. «Видишь, какие на нем полосы, княжич? Если увидишь змею, изукрашенную такими полосами, то лучше обойди ее. Один укус и если не успеешь добраться до знахаря – смерть...» Сколько всяких зверей населяют лес, столько и вендских родов. И у каждого рода есть свое дивное умение.

Интересно все же, в какой род его примут? Какое умение у него появится?

Мальчик задумался, по губам блуждала легкая улыбка. Размышления прервал веселый голос наставника Любомысла.

– О чем таком веселом думаешь, княжич? Не теряй времени, накидывай нашу легкую одежду! Вон, глянь! Наш предводитель снова к бою готов.

Любомысл как всегда подначивал Прозора. Ну какой в лесу бой? В лесу охота, поединок с мудрыми лесными жителя-

ми. Они не враги, они друзья.

Добромил, спохватившись, поспешно полез в чересседельную суму, достал простой вендский наряд. Благо места он занимает немного.

Прозор, тем временем облачившись в чистую, легкую, льняного полотна рубаху, с любовью огладил ее, задержавшись пальцами у искусно расшитого ворота, по которому шла причудливая вязь рисунков-оберегов. Они главная защита охотника и воина, силу придают и сберегают душу. Все-таки кольчуга, хоть и удобна, хоть и прилегает к телу, но хоть немного – да сковывает движения! Второй кожей она никогда не станет.

Прозор надел плотную кожаную безрукавку и препоясавшись набитым серебром турьим поясом, накиннул на плечи перевязь с налучьем и набитым стрелами тулом. Подумав, достал из чересседельной сумы ножны, в которых покоились пять плоских, тяжелых метательных ножей и прицепил их с правой стороны пояса, напротив длинного боевого ножа. Так их удобней выхватывать: рука не делает лишнего движения. Мало ли что? Может и сгодятся.

Ну вот, переоблачение закончено. Изукрашенные рисунками сапоги по колено; светлые порты из тонко выделанной кожи; расшитая оберегами рубаха с короткими, чуть ниже локтя рукавами; безрукавка из толстой сыромятной кожи – в ней хорошо продираться сквозь заросли, ни один шип, ни один кривой сук не зацепит и не замедлит движения. Вроде

бы и вооружен как воин, но вновь ощущает себя просто охотником. Эх, надо было ночью пару копий прихватить. Хотя бы легких, метательных – сулиц. Против большого зверя с мечом и щитом не пойдешь. Да и не нужен он в лесу – щит. Пусть себе висит сзади седла.

Переоделись и спутники. Каждый в свою излюбленную лесную одежду, хотя, в общем-то, порты у всех одинаковые – из мягкой кожи, а рубахи рознились лишь цветом и расшитыми по воротам оберегами. У княжича Добромила вышивка была самой красивой и обильной. Но цветом рубаха почти такая же, как у Прозора: схожая с листвой в конце лета, когда деревья уже набрались живительной силы солнца.

У парней – Борко и Милована рубахи яркие, алые. Прозор улыбнулся, глядя на них. «Эк дурни молодые! Вбили себе в башку, что для княжских дружинников нет ничего лучше, чем яркий приметный цвет. Мол, в бою, коль ранят, так кровь незаметна станет, – значит, и силой не ослабнут. Бойто – бой, а вот попадутся на глаза лосю, иль туру, иль беру, так пожалеют, что смотрят диковинными заморскими птицами, кои умеют людские слова повторять. А вот княжич молодец – нет ничего для леса лучше, чем цвет зелени. И уследить, как меж деревьев крадешься сложно, и мошка кусая зеленый цвет не очень привлекает...»

То, что лесные злыдни – комары, и лезущая в глаза назойливая мошка не жалуют зеленый цвет, Прозор давно подметил. И по его совету для княжича Добромила рубахи шили

именно из такого полотна. Если же еще её проварить в особых травах и ромашке, так вообще ни одна кусачая тварь и близко не подлетит. Какие для этого нужны травы ему подсказала подружка детства – Белана.

Любомысл же надел простую выбеленую рубаху – она от летнего жара хорошо помогает. Ночное единообразие, когда на всех надеты черные плащи, исчезло. Пусть дружинный наряд и доспехи покоятся в чересседельных сумах. Они в лесу, ни к чему громыхать железом. Станет прохладно, тогда и достанут дружинные плащи. Венды ощутили себя теми, кем были от рождения: охотниками.

Прозор размотал руку Борко. Осмотрев ее с Любомыслом, они убедились, что рана неопасна. Опухоль спала. Через пару недель все пройдет. Переложив свежим мхом, вновь затянули руку в лубок. Можно двигаться дальше. Нужно пробираться к волхву Хранибору.

Какое-то время путники, вслушивались в звуки проснувшегося леса и ехали молча.

Затем Добромир продолжил прерванный разговор о состоящих на княжеской службе вестфолдингах. Ему хотелось хоть чем-то утешить Прозора.

– Батюшка обещал Витольду и его дружине, что у него десять лет прослужат. Он князь, и не может своего слова нарушить. Вы же понимаете? Иначе нехорошая молва пойдет.

– Понимаем, – насупился Прозор. – Чего ж тут непонятного? Сколько ж еще им под нашим небом ходить осталось?

Княжич пожал плечами – он не знал. Любомысл, подняв глаза к небу, стал что-то высчитывать, морща лоб и беззвучно шевеля губами. Закончив вычисления, старик с торжеством воскликнул:

– Не больше года, парни! Можете порадоваться, – Витольд в Виннете девять лет отслужил. А он с дружиной на десять нанимался. Я это точно знаю – при мне найм происходил.

Прозор тяжело вздохнул. Жаль, что он не князь Молнезар. Уж у него-то эти викинги на службе не задержались бы. Ни дня, ни полдня, ни часу! Уж он-то не посмотрел бы на свое княжеское достоинство! Хотя, Добромил прав: конечно, князю нельзя так поступать. Виннета – врата Альтиды. Иноземных гостей через нее немало проходит. По миру слухи пойдут, что альтидские князья своего слова не держат. А так нельзя – уважение, оно дорого. Слово князя должно быть так же крепко, как крепка Альтида.

– И чего теперь делать? А, Любомысл? – спросил Борко, жмурясь на солнечные блики, что пробивались сквозь густую листву.

Парню стало хорошо – рука перестала саднить, и жизнь снова стала казаться безоблачной и радостной. И вопрос он задал просто так. Подумаешь еще один покойник! Теперь Борко их не боится. Но чтобы не было хлопот в будущем, лучше решить этот вопрос сейчас. Молодец тронул висящий на шее кусочек серебра – теперь он с ним никогда не расстанется. Вон оно как дело повернулось: надежней ножа и бро-

ни защита!

– Ты у нас знаток нежити. Подскажи, этот викинг – покойник неприкаянный, он опасен?

Старый мореход промолчал. Что он мог ответить? Одна надежда на ведунов, да на волхвов. Им потустороннее – оно, если им и не подвластно, так хоть знают, как от него обезопаситься можно. Гнилая Топь, в которой невесть что завелось, да покойник что с глаз монеты скидывает – это их ума дело. А он пока не знает. Вот когда разберутся со всей этой нежитью, тогда и он на такие вопросы сразу отвечать начнет. А пока...

– Приедем к волхву, видно будет, – глуховато ответил старик. – А мы и так сделали все что могли.

– А чего мы такого сделали? – подивился Прозор. – Вона, как зайцы из этой Древней Башни порскнули! Это что – дело? Нет, это не дело, Любомысл. На своей родной земле, да от всякой нежити бегать? Не годиться!

– Эхе-хе, – побряхтел старик. – Скоро у тебя седой волос пробьется, а умом ты – как был дитем, так и остался. Сначала скажешь – потом подумаешь. – И с неожиданной горячностью Любомысл возвысил голос. По всей видимости, слова предназначались не только Прозору, но и молодым парням. Чтобы, прежде чем глупость ляпнуть, подумали. Слово, как говорится не воробей. – Княжича мы уберегли! Наследника! Будущего властителя этих мест! Понимаешь, Прозор? И Добромил невредим, и мы выжили! А это уже немало.

Теперь все в вендских лесах узнают, что на этой проклятой Гнилой Топи в ночь равноденствия творилось. И быстро узнают. Весточки бы-ы-стро полетят. Молва разнесется и подмога придет. Мы в этом деле – первые пособники. Мы подмогу первыми приведем, волхва, на которого Велислав такую надежду возлагает.

– Как там он? – грустно сказал Добромил. – Мы-то здесь... живые. Радует. А вот он. И друзья наши погибли, – вздохнул княжич. – Их Морана взяла, а нас нет.

Любомысл смущенно крикнул. Вышло, что он глупость сказал. Княжич урок ему, старому пню, преподал. Сам же учил, что думать надо, прежде чем сказать. «Наверно старею, – грустно подумал княжий наставник. – Учил-учил отрока, что жизнь друга важнее всего, и вот...»

Мальчик любил Велислава. Суровый и немногословный вендский наставник занял в сердце княжича особое место. Добромил подражал ему, мечтал, что когда вырастет, то станет таким же, как предводитель своей охранной дружины. Велислав, казалось, всегда знал, что надо делать, и делал задуманное так, что всегда выходило как нельзя лучше. Что ж, если Велислав решил остаться – значит, у него для этого была серьезная причина. Добромил вздохнул.

– Не переживай, князь, – широко улыбнулся Прозор, – не печалься о Велиславе. Не такой он человек, которого, вот так – запросто, сможет кто-то одолеть! Тем более какая-то нежить. Вывернется. Верь! Думаю, уже сейчас у него все хо-

рошо, и только нас дожидается. Знаешь, мне иной раз кажется, что всемогущий Род не одной жизнью его наградил. Еще несколько дал – про запас. И умом вожак наш не обделен. Мне б хотя бы половину его разума, я бы... Вон, – неожиданно вспомнил Прозор, – когда дикари-бруктеры к нашим лесам подходили, что было? Ты не знаешь, княжич, а я отвечаю: не совладали бы с ними альтидские войска. Все бы полегли, как один. А чем кончилось? Победили мы тогда. И все Велислав! Он умом своим великую силу и победил, и в обрат ее завернул. И крови с нашей стороны ни капли пролито не было! А все Велислав. Да-а... – Протянул Прозор. – Было дело десять лет назад. Не то, что этой ночью.

Богатырь пренебрежительно махнул рукой. Ему вспомнилось первое в жизни сражение. Да и сражением его сложно назвать. Десять лет назад победил разум...

ГЛАВА 2. В которой рассказывается о событиях десятилетний давности, когда к вендским лесам подошло несметное число дикарей

После того, как викинги коварно овладели Триградом, а потом их изгнали и безжалостно уничтожили, минуло двадцать лет. И все эти годы благодатные альтидские земли не знали войны. Урок для иноземья славный! Если Альтидой не смогли овладеть непобедимые грозные вестфолдинги – причем немалым числом! – то уж чего говорить о слабых и малочисленных войсках иноземных владык. Теперь никто из них даже мысли не допускал сходить походом, чуть-чуть пограбить богатую землю и затем быстро унести ноги. Но... Видимо, так уж устроен мир, что в нем всегда должна полыхать война.

И вот, десять лет тому назад, к необъятным вендским лесам со всех концов Альтиды вновь стягивались войска. На закатную сторону спешили конные воины. Следом налегке шли пешие ратники. Налегке, потому что воинские доспехи едут сзади, в обозах.

Это передовые отряды. За ними к вендским лесам тянулись повозки с установленными на них хитроумными орудиями. Они предназначены для того чтобы пережить осаду, отразить набег. Но, если подумать как эти устройства переделать, то они также хороши и для нападения. А умелых людей в Альтиде много, – все делалось быстро, но без спешки. Оплошность недопустима. А все потому, что с заката подступала нешуточная угроза.

Снова Морана – грозная богиня смерти – начнет подрезать зазубренным серпом нить жизни альтидских воинов, и веселясь добавлять в грудь расколотых черепов новые... И снова богиня Желя – вестница мертвых, скорби и жалости, и ее сестра Карина будут летать над полями сражений, плача над павшими воинами и провожая их на погребальный костер.

Тогда, десять лет назад, из иноземья, из потаенных глубин Земли Мрака, на людской мир необъятным и мутным потоком хлынула бесчисленная тьма диких людей. За альтидским пограничьем их называли бруктеры.

Люди с незапамятных времен ведут войны; над человеком всегда довлеет страсть просто и быстро завладеть чужим добром. И чем больше чужого добра – тем лучше. Вот потому-то, даже самый захудалый правитель, самой маленькой закатной страны, считал первой и главной необходимостью содержать мало-мальски приличное войско. Его можно использовать как для набег на слабого соседа, так и

для обороны своей земли.

Не хочешь кормить свое войско – будешь кормить чужое. Это непререкаемая истина. Это главное правило, хоть оно и накладно и поглощает большую часть дохода.

И хотя в последнее время установился хрупкий, лишь изредка перемежаемый незначительными распрями мир, владыки закатных земель свои войска не распускали. Пусть соседи знают об их силе и боятся.

Но бруктеры... Тут западные властители впервые столкнулись с чем-то невероятным, ужасающим. Даже набег жестоких вестфолдингов показались бы чем-то несущественным в сравнении со тьмой идущих бруктеров. Ни одно войско – ни одной страны! – не могло устоять против них. Темноликие дикари стремительно, уничтожая на своем пути все живое, шли сквозь закатные земли. Казалось, остановить нашествие невозможно.

Боевое построение бруктеров было удивительно похоже на излюбленный строй вестфолдингов: равносторонним клином, именуемое иначе – вепрем. С той лишь разницей, что клин бруктеров строился более вытянутым.

Для разгрома мало-мальски серьезного войска вестфолдингам потребно от четырех до семи клиньев–вепрей. Они идут в определенном боевом порядке. Отряды вестфолдингов могут разворачиваться на месте; двигаться в любом направлении. Как только один из клиньев пробивал защиту, и оказывался внутри вражеского войска, она было обречено.

Вепрь сминал, рвал и втаптывал противника изнутри. Схожим образом действовали и бруктеры. Но все же они сильно отличались от славных воинов – пенителей волн. Правда дикарей было великое множество.

Разница меж дикарями–бруктерами и вестфолдингами сразу бросалась в глаза. Викинги – это рослые сильные воины. Они не ведают страха, не знают что такое усталость, – что на море, что на суше. Любой тяжеловооруженный вестфолдинг мог без усталости шагать знаменитым шагом – иначе именуемым волчьим бегом вестфолдинга – хоть день, хоть ночь напролет. И после этого рвался в бой так, будто только что хорошо отдохнул. А ведь стремительность волчьего бега такова, что обыкновенному человеку пришлось бы бежать, чтобы не отстать от викинга. К тому же броня надетая на воина и оружие: щит, короткий меч, полупудовая секира, окованное железом копьё весили немало.

Опять же – мощные викинги, свыкшиеся неделями грести тяжеленными веслами, бороться со штормами, имели необычайную для простого человека силу. Почти любой вестфолдинг умел легко – одним ударом кулака – размозжить череп противника. Или, сжав его запястье, раздробить кость на осколки. Прodelать такие вещи, и в шутку и всерьез, для викинга не составляло труда. А берсерки – те вообще страшны. Берсерк в одиночку берет любой корабль; проломив стену, с ревом врывается в башню, внутри которой засело множество защитников и овладевает ею! Его не

пугают раны – от них он делается только злее. И преграды на его всесокрушающем кровавом пути нет. Его остановит только такой же воин: берсерк призвавший на себя воплощение прародителя. Тогда еще неизвестно кто кого! Одни берсерки любят биться секирой, другие молотом. Шестопер, булава или тяжелый кистень для них слишком легки – беру тяжело удержать такое оружие в когтистых лапах. И кто возьмет вверх – молот или секира – неизвестно. Поединки берсерков редки, и о них слагают саги.

И конечно, викинги – все как один! – имели превосходное вооружение. Оружия для вестфолдинга – это все! Самое главное из оружия, то, что принадлежит и ярлу, и всей дружине, – это драккар. На нем, пеня волны, викинги совершают свои опустошающие набеги. Потом идет уже то, чем владеет сам вестфолдинг: наточенный короткий меч, удобная секира, кроваво-красный круглый щит. Пусть и нет в оружии вестфолдингов особой красоты, но зато оно удобное, крепкое и надежное. Оно принесет победу, добудет викингу и славу, и богатство. И в Валгаллу вестфолдинг уйдет, сжимая в руке верный меч. Иначе и бог Один, и славные предки не поймут, отчего – по какому праву! – потомок уселся рядом с ними за пиршественный стол. Ведь клинок его меча не напоен вражьей кровью.

Начиная с молодых ногтей воины-викинги приучались к бою, и к зрелым годам они в совершенстве владели любым оружием.

Дикари-бруктеры, вышедшие из Земли Мрака, наоборот, все как один и низкорослы, и щуплы, и слабы. Рослых и сильных бруктеров почти не встречалось. Тела дикарей покрывала шерсть: густая, жесткая, схожая с барсучьей. И руки у них необычайно длинные, достигающие чуть ли не до колен. Одежды бруктеры не носили – это если не считать обернутых вокруг бедер, или накинутах на плечи звериных шкур.

И все-таки это были люди. Хоть и дикие, непохожие на обычных, – но люди. Бруктеры знали языки живущих рядом с Землей Мрака народов, и даже иногда торговали с ними. Правда, этот торг заключался в простом обмене. Денег дикари не знали и не жаловали. Как живут бруктеры – мало кто ведал. К ним – в Землю Мрака – редко кто отваживался заходить. Смельчаку, решившему попытать счастья – заглянуть в земли бруктеров, вернуться ой как непросто! Ну а те, кто все-таки возвращался, рассказывали удивительные вещи, в которые невозможно было поверить.

И вооружены бруктеры в отличие от викингов слабо. Редко кто из них владел настоящим мечом или копьем с железным наконечником. Как правило, их короткие мечи были выкованы из бронзы, которая не идет ни в какое сравнение с железом. Также и наконечники копий были бронзовыми. Но большинство дикарей взамен меча или копья бились длинной, с заостренным и обожженным для крепости концом палкой. Или простой дубинкой, в конец которой порой вставлялся – опять же бронзовый – шип.

Из всего вооружения бруктеров хороши были лишь щиты. На них шла хорошо выделанная, царапающая ладонь, твердая и упругая шкура неизвестного зверя. Раскраска шкуры напоминала пестрый змеиный рисунок. Но вот только змея эта, если судить по величине разводов, должна была быть неохватной величины. Щиты бруктеров замечательно держали удар любого оружия: и меча, и копья, и топора. Также надежно они защищали и от навесных стрел. Да и прямо направленная бронебойная, с узким жалом, стрела не всегда пробивала такой щит.

Вроде бы и не велико оружие бруктеров – не идет ни в какое сравнение даже с легковооруженным воином, да и сами дикари слабы и мелки, но... Беда в том, что их много, они брали числом! Казалось – бруктеров как снега зимой, как травы летом! Сокрушишь одного – на его месте появляются двое. Убьешь двоих – и вот их уже четверо! От нашествия дикарей войска закатных стран захлебывались кровью: и своей, и кровью бруктеров.

И вот дикари, без особых усилий сметая выходящие против них войска, превратили в пустыню множество стран заката. Бруктеры упорно шли на восход и ножом пройдя сквозь страны Янтарного Берега, подошли к пограничью Альтиды – к необъятным вендским лесам. И тут – немного не дойдя до леса – до границы вековых сосен – дикари наконец-то получили сокрушительный отпор...

Вот уж несколько вечеров кряду златокудрый бог солнца – Хорс, отправляясь после дневного труда на Остров Радости, опускал свою солнечную колесницу в густой туманный полумрак.

Вечерняя заря застилалась сумрачными дымами далеких костров. А ночной порой зоркие глаза без напряжения видели, что далеко-далеко – на краю ночного неба – багровеет тусклый тяжелый отблеск. Это горели городки и села Янтарного Берега – стороны, граничащей с вендскими лесами. И каждую ночь далекое зарево все ближе и ближе продвигалось к альтидскому пограничью.

Вскоре появились первые беженцы. Иные уходили от дикарей издалека, чуть ли не от самой Земли Мрака, – от окаянной, несущей неминуемую гибель, стороны. Они шли долгие месяцы, и путь для них был только один – на восход.

Ведь на полуночи, по морскому побережью раскинулся суровый, неприветливый Вестфолд. Там горемык ждало рабство и скорая смерть. Не лучше обстояли дела и на полудне.

Там раскинулось Срединное море. На его берегах лежали три больших страны: Сидон, Рум и Темная Земля – земля магов и злых колдунов – Аласунское Царство. В Рум и Аласунское Царство по доброй воле лучше не соваться. Это давно известно. В стране магов и колдунов лучшее, что могло ждать беженцев – это опять же рабство. Ну а худшее... Даже страшно подумать, что злые чародеи могут сотворить с простыми, не сведущими в колдовстве людьми.

Рум... Страна большая, в ней сильное войско. Но он славился своими завоеваниями и из них победители – опять же! – в качестве законной добычи вели рабов.

Для бегства подходил Сидон. Богатая страна, сидонские купцы торгуют по всему миру. В этой стране сильное войско, но войн они не ведут – предпочитают откупиться от захватчиков. Так выгоднее. Но до Сидона надо добираться морем. А платить перевозчикам нечем: все нажитое добро уничтожили бруктеры. И на воде беженцев снова подстерегала опасность. В лучшем случае их обратили бы в рабство, а в худшем – бесславная кончина.

В Срединном Море много мелких островков, и на них, и кое-где по побережью, меж больших стран, жили Народы Моря. Своим уделом, как и северные вестфолдинги, они сделали разбой на море. Впрочем, в отличие от северных пенителей волн, морские народы были не так сильны, и главное – разобщены. Но сути это не меняло. В Срединном Море каждый убивал каждого, ведь островная чахлая и каменная земля не могла прокормить много людей.

Беженцам оставалось идти только на восход, в Альтиду. В этой благодатной стране хоть и не жалуют чужаков, не принимают их, но там нет рабства.

И вот к вендским лесам тянулись многочисленные повозки, груженные нехитрым скарбом: всем тем, что удалось впопыхах собрать. Не отправляться же на чужбину пустым? Потерять легко, а нажить... Нажить – ой, как сложно!

Но некоторым страдальцам не удалось спасти ничего, кроме самого ценного – своей жизни. Такие шли налегке – ничем не обремененные, кроме как голодом и страданиями. Иной раз им помогали собратья по несчастью, – скупое делясь куском хлеба или отдавая совсем не лишнюю для себя одежду.

Люди бедствовали. Некоторые выковыривали из земли корни растений и тут же их поедали, порой даже не очистив. Вдоль повозок шли изможденные старики с желтыми лицами, женщины с безумными голодными глазами. Мужчин шло мало. Большинство пало в битве с дикарями.

На повозках сидели молчаливые ребятишки. Не было ни игр, ни разговоров, ни звонкого смеха. Их детство сгорело, покрылось пеплом в распаленной дикарями войне. Общая беда объединяет людей, пусть и говорящих на разных языках. В глазах изможденных беженцев застыла тоска.

Но входя в бескрайние вендские леса их взор светлел. Призрачная, казалось, надежда осуществилась: в таких лесах им не страшны никакие бруктеры! Сколько бы их ни было! Ведь вековой вендский лес станет труднопроходимой – да что там труднопроходимой – непреодолимой преградой! А дальше, за лесами, распростерлась бескрайняя страна – Альтида. Уж наверно там им не откажут и примут хоть бы ненадолго! Лишь бы подальше от бруктеров!

Беженцы рассказывали о нашествии удивительные вещи. Оказалось, что дикари никого, в общем-то, и не старались

уничтожить. Они просто шли на восход. Шли широким потоком, даже нет – не потоком, а бурной, полноводной рекой. Дикарей было много, слишком много. Неудивительно, что воинские отряды безжалостно сметались – ведь реке все ни почем. Ей все равно, что сносить на своем пути – что разметать горстку щепочек, что завал из вековых деревьев. Для нее это легко – всего лишь недолгая быстро преодолимая помеха. Многочисленные клинья бруктеров одинаково пережевывали и неопытных ополченцев, и конных рыцарей. Попутно войско дикарей прирастало отбитым оружием. Дикари набирали мощь, и, наверное, опыт...

Города, стоящие на пути бруктеров, как правило, сопротивлялись. Жители знали, что пощады не будет никому. И так и так – гибель. Но защита города всегда длилась недолго. Бруктеры одолевали числом. И города, и небольшие села, и деревни уничтожались дотла. И люди и домашний скот убивались без видимой причины.

Причем вот что было странно: не раз случалось так, что, разграбив и спалив небольшое сельцо из нескольких домов – с которого и взять-то нечего! – бруктеры двигались дальше, совсем не обращая внимания на ближний, порой скверно укрепленный город. А до города этого – всего нечего! Полдня ходу – только сверни! И добыча там легкая и весомая. Все это вызывало удивление...

Как правило, перепуганные жители этого городка бежали куда-нибудь подальше – в поля, или прятались в ближнем

лесочке, если он рос рядом. А когда возвращались, то обнаруживали, что в их жилище уже похозяйничали, – но не дикари, а свои местные грабители. Бруктеры брали только съестное, а жилища зачем-то сжигали.

Но самое важное в рассказах беженцев было другое. Некоторые своими глазами видели – и клялись в этом всеми богами! – что каждым клином бруктеров заправлял викинг. И не один, а несколько... Бруктеры повиновались сигналам, подаваемым вестфолдингами: гудящему рогу и бою барабана.

Беженцев беспрепятственно пропустили в Альтиду. Худа от них не будет, это уж точно, ну а со временем будет видно, как с ними поступить: оставить в Альтиде, или, если в закатных странах вновь наладится мирная жизнь, или того лучше – альтидские войска совладают с дикарями, то отправить восвояси с миром.

От пограничья, из вендских лесов сразу же снарядили гонцов. Венды слали в Альтиду весть, что земли и Янтарного Берега, и сопредельных сторон объаты войной. Идет беда, и – вне всякого сомнения – Альтиде надо созывать войска и готовиться к неминуемому и неслыханному до этой поры сражению.

На защиту своих лесов встали многочисленные вендские роды, а из самой Альтиды спешила подмога и из княжеств, и от вольных городов.

Первым удар бруктеров приходился на род Велислава – род Снежной Рыси. Небольшие деревеньки этого рода как

раз были раскиданы по лесу на пределе пограничья. И венды смогли сломить нашествие дикарей и повернуть его вспять!

Цена победы оказалась необычайно высока: вендские охотники спасая Альтиду и свои леса, заодно избавили от уничтожения и закатные страны. Путь к поражению дикарей оказался неожиданно простым. Главное это выяснить – что движет бруктерами? Зачем они идут? Кто ведет эту несметную орду? А потом догадаться, додуматься – КАК одолеть дикарей. И сделал это, тогда совсем молодой – всего два десятка зим – вендский охотник Велислав. Он воплотил закон Снежной Рыси – победил душу дикарей.

Издревле славные воины и искусные охотники, свято чтящие законы Праматери-Рыси, один из которых учит, что победа над врагом – это в первую очередь победа над его душой, венды из рода Рыси остановили нашествие бруктеров. Все так – победи душу, и победа над телом придет сама, станет проще.

Всем известно – рысь охотник не простой. Она умна и терпелива; хитра и стремительна. Ночную тропой рысь идет в засаду и лежа на суку, слившись с ним, вытянувшись и застыв, ждет своего часа. И потом одним молниеносным прыжком получает то, что принадлежит ей по праву – победу. Как правило, добыча не успевает понять, откуда же пришла смерть. Но если рыси доводится биться с сильным противником, который увидел ее, подготовился – тут надо действовать по-иному.

Редко кто из зверей может выдержать пристальный взгляд желтых рысиных глаз. Рысь может шипеть, завывать диким мявом, дыбить холку, запугивая противника. Но холодные, безразличные глаза будут цепко, не отрываясь глядеть в мятущиеся глаза врага.

Один раз Велислав видел, как на узкой звериной тропе нос к носу столкнулись рысь и здоровенный кабан. Уступать дорогу не хотел никто. И победила рысь. Она казалось, проникла в маленькие глазки вепря, нашла слабинку в его сердце, и кабан, хрюкнув, попятился. Рысь смогла овладеть его душой, сломить и подчинить ее себе.

Велислав запомнил эту встречу. И прежде всего решил выяснить, в чем слабость дикарей.

Все дело в том, что беженцы – все как один – рассказывали диковинные вещи. Бруктерам, казалось, неведомы ни боль, ни страх.

Темноликого дикаря можно было изрубить на куски, а он – продолжая сражаться – не издал бы ни стопа, ни звука.

Слышался лишь хруст ломаемых костей, и жутковатый скрежет вспарываемой плоти. Бруктеры бились молча и, идя на приступ, не подбадривали себя, не выпускали положенного боевого рева или воя. С их стороны неслись лишь мерный рокот барабана, и порой тоскливое завывание рога.

Опять же – той жути, тех ужасов, что порой насылали на орду колдуны закатных стран, не смог бы выдержать ни один человек. Но дикари не обращали никакого внимания ни на

бьющие в них молнии, ни на огненные вихри, ни на падающие сверху острые ледяные сосульки. Да и прочие колдовские чары на них не действовали. Все колдовские ухищрения пропадали впустую. Бруктеры мерным шагом шли дальше, вминая в землю побитые трупы соплеменников. А проткнутый стрелами, изрубленный, спаленный огнем дикарь все равно продолжал сражаться, глядя на противника пустыми, безжизненными глазами.

И причину этой безжизненности выяснил Велислав. Выяснил и понял, отчего живые дикари – мертвы. И поняв, сумел вернуть им и жизнь, и душу....

Ко времени, когда на закатные страны обрушилась эта небывалая напасть, Велислав вырос. Из познающего жизнь мальчика, он превратился во взрослого парня, а затем – как-то незаметно – в молодого мужчину. Велислав многому научился, многое познал. К двадцати годам он уже стал и хорошим охотником, и следопытом.

Еще с раннего возраста, с младых ногтей, Велислав выделялся среди сверстников и решительностью, и сообразительностью.

И грамота, и счет, и письмо, в общем – все то, чему обязательно учили альтидских детей, черноволосому смекалистому мальчишке давалось легко и играючи. У Велислава осталось много времени, чтобы бродить по лесу. Уже подростком для него почти не существовало тайн, скрывааемых под сумрачным лесным покровом. И в двадцать с небольшим лет

Велислав уже почти ничем не уступал своим старшим собратьям: тем зрелым и опытным охотникам, которые начали лесную жизнь раньше его.

Молодой охотник, которого в ту пору еще не наградили прославленным прозвищем – Старой, не мыслил, что когда-нибудь станет воином и возьмет в руки боевое оружие, но... В недолгой человеческой жизни бывает всякое. Любой мужчина вендских лесов мог с легкостью, в одиночку, выйти на бой с лесным хозяином – мохнатым бурым бером. Охотник бился с большим сильным и проворным зверем рогатиной, или даже просто – с длинным засапожным ножом, и почти всегда выходил из этой схватки победителем. И понятно, что вести бой с вражеским воином для лесного венда было чем-то сродни битвой с бером.

Хотя, конечно, поединок с опытным противником несравним с простой охотой – будь то бой с вепрем или даже с бурым бером. Но ведь вендских мальчишек сызмальства попутно обучали владению и боевым оружием. Надо уметь вести меч так, чтобы – когда придет время – не уставала рука. Меч должен помогать воину – а не наоборот. Надо не раздумывая ловить щитом удары, оберегая тело. Опять же – каждый вид копья требовал определенного навыка, особой хватки и сноровки. Рогатина – требует одной хватки, легкая метательная сулица – другой. В общем – вендскую ребятню усердно попутно обучали и воинским премудростям. Ну а про непостижимую вендскую стрельбу из лука в инозе-

мье даже слагали всевозможные сказы и легенды.

Так что шло всестороннее и исчерпывающее обучение. Ведь неизвестно, какой враг может нагрянуть, и когда. Все-таки вендские леса – пограничье. За ними идет внешний мир...

* * *

С каждым днем дикари все ближе и ближе подходили к границе Альтиды – к вендским лесам. В воздухе уже явно ощущался запах гари. Его нес закатный ветер. Запах пожарищ не могла сбить даже легкая морось, что стояла последние дни. И вот, хмурым пасмурным утром Велислав пошел к старейшине своего рода – Словуте Хвату.

– Старейший, позволь мне тайно выйти навстречу войску бруктеров.

– Зачем тебе, Велислав? Дикари приближаются и через пару-тройку недель подойдут к окраине леса. Тут их увидишь. Еще налюбишься... Тут же и сразимся. Вдруг, с тобой что-нибудь случится? Ты знаешь – помощь еще не пришла. Вендским родам будет не хватать тебя, сильного и ловкого воина, охотника – метко бьющего в глаз любому зверю. Ты же знаешь – нас мало. Очень мало...

– Это не пустая просьба, Словута. Еще месяц назад, когда в наших лесах появились первые беженцы, я со вниманием слушал то, что они рассказывали о бруктерах. Уже тогда я

засомневался в том, что дикари в самом деле жестокие захватчики. Я так и не выяснил, что их ведет. И вот нынешней ночью, мне было видение. Я не знаю, явь ли это была, или навь... Не отвечу. Перед рассветом я вдруг почувствовал, что меня обдало теплом и любовью. Это не описать, Словута! А потом я увидел ЕЕ. Она такая, как о том говорят наши сказания. Белоснежная, пушистая. Желтые глаза мудры и проницательны. Я молчал, пораженный. Говорила она. У нее чарующий ласковый голос, он до сих пор в моей душе, Словута. – Велислав перевел дыхание: – Ночью ко мне пришла и молвила мне истину наша прародительница – наша праматерь Снежная Рысь! О чем, я не могу тебе сказать. Но она указала мне путь к победе. Скажу лишь одно, я узнал, что войско дикарей нельзя назвать войском! Его можно победить, не пролив нашей крови!

Словута, пристально, в смятении, смотря на молодого охотника, думал: «Видеть прародителей, говорить с ними! Не каждый венд этого удостоивается! Что ж – верно и вправду праматерь хочет, чтобы ее потомки выжили в грядущей бойне... Тут не скажешь – молодо-зелено. Велислав не просто так выслушивал рассказы, не с чужих слов он судит о дикарях. Путь ему указали боги. Но как же так? Какое бы войско не было – оно войско! А бруктеров тьма. Но не буду допытывать – это тайна Велислава... Эх, она ведь тоже со мной говорила, и все точь-в-точь как рассказал Велислав!..»

Вспомнив об этом, он посмотрел на хмурое небо. Ко-

гда-то оттуда к нему пришла Прародительница. И тут на миг старейшему показалось, что наверху на него смотрят большие желтые глаза. Смотрят строго, выжидающе. Будто ждут от него чего-то. Словута глубоко вздохнул. Молодой охотник пришел не просто так. Потом, после всего как закончится эта напасть и если они останутся живы, он поговорит с Велиславом. Расскажет, как и ему в лесу довелось поговорить с прародительницей. Вслух же старейший сказал: – Верю. Знаю. Благословение богов – великая сила. И что тебя смущает, Велислав? Намекни.

– Старейший, во всех рассказах беженцев много неясного. Все они видели бруктеров только издали. И все кто видел, оказались мирными жителями. А у страха глаза велики, ты знаешь. Главное – никто! Понимаешь, Словута, никто вблизи не видел дикарей! Кроме тех ратников что полегли в битве... Среди беженцев мало мужчин, а воинов нет вообще. А ведь ты слышал – ходят упорные слухи, что бруктерами правят вестфолдинги. Они же и ведут дикарей в бой. И построение – клиньями-вепрями, и бой барабана, и гудение рога... Ведь все это повадки викингов. И вот тут мне в голову пришел главный вопрос, на который я так и не могу найти ответа. Бруктеры, с их несметным числом, легко могли бы смять вестфолдингов – сколько бы их не было и какими бы сильными воинами они были. И что же? Почему дикари им подчиняются? Отчего? Что такого делают эти вестфолдинги, чтобы сломить их волю? Вот, что я думаю, Словута. Я уве-

рен, что за этим нашествием стоят викинги.

Глава рода, крутя седой ус, внимательно слушал молодого охотника. Уверенность и задор Велислава убеждали умудренного жизнью венда. И он знал, что слова эти идут не просто так. Они из глубины души, из вещего сна. Это чудное знание дала ему прародительница – Снежная Рысь. Велислав, меж тем, немного остыв и остудив первый пыл, теперь уже спокойно и убежденно продолжал:

– Викинги там есть и тогда возникает важный вопрос. Никто не знает, откуда эти викинги взялись. В землях вестфолдингов о них не слышали. И даже тинг, который все-таки имеет власть, не знает, из какого они фьорда, и какому ярлу подчиняются. Это я выяснил точно.

Словута заинтересованно крикнул. Молодой охотник говорил удивительные вещи.

– Ну-ну, и откуда знаешь? Что выяснил?

– Об это рассказывал борнхольмский ярл. Не так давно его драккары шли в Триград. Якобы на торг. Как и положено – остановились у стен Виннеты. Сошли на берег и против обычая пробыли на нем недолго. И хмельного они не пили. Вернее пили, но немного – не по меркам вестфолдингов. Одно это странно. Ярл собирался спуститься по нашим рекам на полудень, аж да самых границ Альтиды. Я слышал, они обсуждали – какой рекой лучше идти. И о бруктерах вполголоса говорили. Я как раз в корчме сидел, в обратный путь собирался. Видел, что и ярлу и его дружине не по себе. А ведь

викингов не напугаешь: для них смерть в бою – это честь. Но и ярл, и его люди были потрясены. Мне показалось – они бегут безоглядно. Куда подальше – хоть на край земли. Вестфолдинги что-то знают, но молчат. И даже странно, что бруктеры на полуночь, в Вестфолд не пошли.

Глава рода, недолго поразмыслив, принял решение.

– Да, ты прав. Никто, ничего толком не знает. Один пойдешь? Когда?

Велислав чему-то улыбнулся.

– Вечером. Я хорошо вижу в темноте, не впервой в ночь на охоту выходить. С другом пойду, с Прозором из рода Лосей. Мой одноклассник. Уж он-то зрячий! Ты слышал о его даре? Прозор во тьме, как при солнце видит. На ночной тропе нет охотников ему равных! Не зря его так прозвали. Сильный, а уж ловкий! Я порой думаю, не из Лосей он, а из нашего рода. Добычу скрадывает так, что она не пискнет. И на берега ходил несколько раз. Справный охотник. Помяни мое слово, старейший! Пройдут годы, и великая слава по всей Альтиде о нем пойдет! Я это знаю!.. А действовать мы будем так. Для начала скрытно подойдем и посмотрим на войско бруктеров ночью. Если удастся – то днем. Разнюхаем все, что возможно. Думаю, в дневном дозоре выберем место, ляжем неподалеку от их стана и переждем. Ну да нам не впервой ждать. На матерого зверя идти – в засаде сидеть. Иначе добычи не будет. Как только выясним все толком – вернемся.

– Хорошо, Велислав. Идите... Идите, и возвращайтесь!

Мы вас ждем с вестями.

Ближе к вечеру, Велислав и его друг, богатырь Прозор, легким, бесшумным шагом охотников направились в стороны дымного заката...

Из дозора молодые разведчики вернулись через неделю. Уставшие, лица в разводах грязи. Пахло от вендов так, что лошадь встретившегося на пути альтидского воина запрягла ушами, шарахнулась в сторону и тонко заржала. Наверно учуяла запах схожий с вонью лесного хозяина – бера. Но это был запах дикарей. Едкий, жгучий. Венды, казалось, насквозь пропитались им. Да и немудрено – Велиславу и Прозору досталось. Но лица парней сияли. Им удалось кое-что разузнать, и кое-что добыть.

За то время, что они ходили в разведку, деревенька изменилась. До того тихая и спокойная, она вдруг стала непривычно шумной и тесной. В вендские леса – на край пограничья – уже стягивались альтидские войска. Около деревни стоял передовой отряд – дружина виннетского князя Молнезара из тысячи воинов. Чуть дальше, в глубине леса, расположились воины белозерского князя, пришедшего с полуночи, и тиверского – чье княжество лежало с другой стороны вендских лесов – на полуденном восходе.

Сами же дружины тесноты не ощущали – лес велик, а они обычно стояли по городам, в детинцах. Воины наслаждались раздольем. Отряды располагались и около деревни, и в глубине леса. На лесной окраине стояли только дозоры. Кое-

где на вершинах сосен парни увидели тщательно сбитые и надежно скрытые со стороны заката навесы. Там расположились вендские охотники – они наблюдали за дымами на западе: не пришло ли воинство бруктеров в движение, не надо ли бить тревогу.

В подоспевшем войске Велислав не заметил ни суетливости, ни бестолковости. Воины знали свое дело. Вон там, рядом с деревенской кузницей, к коновязи привязано несколько лошадей. После дальнего пути надо проверить, насколько крепко держаться подковы, не отлетели ли; перековать – если нужно. Конь – это главное оружие любого всадника. Без него он воин лишь наполовину.

Из трубы почерневшей и вросшей в землю старой кузницы шел густой дым. Слышался перезвон маленьких молотков, перемежаемый буханьем большого. Работы деревенскому кузнецу хватало. Впрочем, при любой дружине есть свой умелец, да не один, умеющий заделать броню, починить шлем, отковать меч, наконечники для стрел и копий, и при нужде обиходить лошадиные ноги.

В глубине леса, в разных концах, также слышались удары молота о наковальню. Кое-где в нарочно вырытых для этого ямках горели небольшие костры. Дружинники обложили их камнями, чтоб пламя не убежало, чтобы бог Земного Огня, дарующий людям тепло и радость, не вздумал подшутить над лесом, не запалил его.

Прозор и Велислав оглядели друг друга и на лица парней

сами собой наплыли неудержимые улыбки.

– Сначала в баню? Ополоснемся, Велислав! Чую, дух от нас. – Прозор покрутил головой.

– Нет. Старейшинам и князьям важно узнать, что мы добыли. Потом. За мной, друг.

В большой родовой избе собрались старейшины вендских родов, а также тиверский, белозерский и виннетский князя. Среди них сидело несколько тысяцких и воевод из недалеких городов. Они поспешили впереди своих дружин, чтобы быстрее выяснить, как на этот раз будет действовать альтидское войско, посоветоваться и, по возможности, быстрее принять решение – какова будет битва, как расставлять войска.

Под взглядом воевод, князей, тысяцких молодые охотники почувствовали себя неудобно. Это не вендские старейшины – они свои. Они простые, такие же венды. Не раз встречались, а порой и охотились вместе. Особенно зимней порой, в загонной охоте, когда для успеха потребно множество людей. А вот важные люди из альтидских городов – это иное.

У живущих в лесах вендов никогда не было князей. Многочисленными родами управляли старейшины – иначе именуемые большаками. Любой лесной охотник беспрекословно подчинялся их решению, потому что старейшиной становился самый мудрый, самый уважаемый венд-охотник. Всегда, при обсуждении чего-либо, после жарких споров и предложений окончательное решение оставалось за старейшиной.

Взвешивая все за и против, он принимал мудрое, и, как оказывалось впоследствии, верное решение.

Впрочем, Велислав уже как-то раз видел виннетского князя Молнезара и очень тогда удивился. Князь ходил по большому городскому торгу, покупал разные разности, и как простой человек обменивался едкими шутками с ушлыми купцами. Глаза князя сверкали, черные пряди прилипли ко лбу – в тот день изрядно припекало – и он то протягивал руку, собираясь ударить ею по руке торговца – заключить сделку, то отводил назад – сбавляя цену. Видно, что и князю Молнезару и купцам эта веселая перепалка доставляла ни с чем несравнимое удовольствие. «Надо же, князь, а ведет себя как... как... – Пораженный Велислав не мог подобрать слов. – Больно прост! Разве такие князья бывают?!» Но если честно, молодой венд и сам толком не знал, какие бывают князья. Но увиденное ему понравилось. С таким человеком, нечванливым, веселым, он – если б довелось – с удовольствием бы побеседовал. Может, Велислав так бы и поступил, если б ему не сказали, что это сам властитель виннетской крепости ходит, торгуется и покупает какую-то мелкую, но необходимую в хозяйстве вещь.

И князья, и воеводы с любопытством смотрели на молодых охотников. Словута Хват уже успел рассказать, что два венда – испросясь дозволения и получив напутствие – пошли в разведку к стойбищу дикарей. И что одному из них, Велиславу, было видение: с ним говорила прамасть – Снежная

Рысь. Прародительница указала ему, что надо делать.

Переминаясь с ноги на ногу, смущаясь под взглядами стольких людей, Велислав проперхался, и, придав голосу уверенности и твердости, заговорил.

– Уважаемые! Мы подошли к стойбищу дикарей под утро. Затаились в недалекой рощице и наблюдали за их войском день, ночь и еще день. Днем плохо видно, но кое-что можно разобрать. У них над станом пыльно, да и немудрено – столько ног за день натопчут, что до полуночи туча висит. Ну а ночью мы проникли в их лагерь. Хоть и сторожко крались, но...

– Да легко это было! – забагровев, добавил Прозор. – Оказывается, ночью дикари спят как сурки. Да какое там сурки! Будто мертвые сурки!.. Будто их какая лихотанка одолела. Так вот, ночью, на охране и страже всего стойбища стоят викинги! Они там есть – это точно говорили, это не слухи! И они всем этим дикарским набегом и заправляют!

Прозор замолчал, смахнув с чумазого лба неожиданно выступившие капли пота. Богатырь смотрел зверовато, смущался и когда говорил, то чуток запинаясь. Он никогда не видел князей и воевод. Да еще столько зараз, и в одном месте! И все они внимательно слушают, что они с Велиславом рассказывают. «До чего ж они важные, – мелькнуло в голове, – впрочем, на охоте и в бою все равны. Еще посмотрим – кто важнее!» Прозор гулко кашлянул в кулак. Для простого лесного парня слишком много слов. На помощь другу при-

шел Велислав.

– У бруктеров мало еды. Днем они что-то варят в котлах, но мясного духа мы не учуяли. Викинги, подкармливают дикарей, раздают им какие-то куски из мешков. На хлеб похоже. Но мало. Кажется, вестфолдингов это не очень-то беспокоит. Бруктеры рвут траву, копают корешки. Тут же пожирают. Вокруг лагеря все подъедено – голая, вытоптанная земля. На ней поживы уже нет. А далеко от стана дикари не отходят, не промышляют. Так что, мнится мне, они скоро дальше двинут. Иначе – или идти не смогут, или перемерут с голода. Иных Морана к себе прибрала. Их в большую яму за лагерьем бросают и сверху слегка землей присыпают. Чтобы для следующих места хватило. Бескормица выкашивает их...

– Это сулит надежду, – заметил виннетский князь Молнезар

– Надежда слабая, князь. Вестфолдинги не для того сюда такое войско вели. А вот викинги – те наоборот! У них еда есть. Готовят наособицу.

– А что за викинги? Выяснили откуда они? – Князь Молнезар живо задавал вопросы, уточняя подробности.

К этому времени Прозор справился со смущением. В самом-то деле – не съедят же? Парень понял – их рассказ важен. В избе тишина. Слышно как муха пролетит. Воеводы внимательно, затаив дыхание, слушают. Богатырь приосанился.

– Их ярла зовут Халли Большой Топор. Мы ночью прокрались в лагерь. Обошли дозоры, что вечером выставили викинги, подползи к шатру ярла. Там шатер один, богатый и только у ярла. Стоит посередине лагеря. Остальные викинги под открытым небом расположились, как и положено воинам. Велислав подслушал, о чем в шатре толковали. Надо же, я и не знал, что Велислав язык вестфолдингов понимает, – отвлекся простодушный великан. Спohватившись, продолжил: – Сами викинги говорят с бруктерами на фризонском наречии.

– Никогда не слышал об этом ярле, – задумчиво сказал князь Молнезар. – И что дальше?

– Мы видели ярла днем, издалека. Он еще молодой, примерно, ну... – тут Велислав замялся, подыскивая сравнение, – примерно как мы с Прозором. Мощный. Но Прозор здоровее и выше. Еще мы сосчитали, сколько в лагере викингов. Их около тысячи. У вестфолдингов есть лошади...

– А как вы их сосчитали, молодцы? – спросил кто-то из старейшин. – Там ведь бруктеров как деревьев в лесу. Пыльно. И в такой толпе разобрать? Как смогли?

Велислав улыбнувшись, шагнул к столу. Достав из небольшой походной сумы кусок тонко выделанной светлой кожи, стряхнул его, расправляя складки. Положив кожу на середине стола, перед князем Молнезаром, с поклоном отступил.

– Вот. Днем, в рощице, мы время не теряли.

Князь Молнезар изумленно приподнял бровь. Перед ним

лежала тонко и искусно вычерченная карта. Вот нарисован шатер ярла. Он по середине. А вот вокруг него, расходясь, вычерчены двусторонние клинышки. Их много. Над ними черточки с флажками. Вот невдалеке от лагеря двойная извилистая полоса. Речка. Вот, по-видимому, рошица, в которой засели разведчики. Даже стороны света обозначены на этой карте! Тут, сверху, солнце закрашено черным – это полночь. Вот снизу оно раскинуло лучи – полдень. Вот закат, а это восход. Роспись сделана с тщанием, видно сразу. Да, тут ничего не скажешь! Молодцы охотники!

– Гляньте, воеводы! – воскликнул Молнезар. – Да ведь лагерь бруктеров перед нами как на ладони. Все видим! Теперь-то знаем, как они стоят! Дорогого стоит эта карта! Дорогого!.. Ну, парни! Ну, охотники! Теперь поясняйте! Кто рисовал? Ты, Велислав? Говори!

– Бруктеры строятся клиньям – верно беженцы говорили. Мы видели несколько таких клиньев в боевом построении. Дикари пошли в сторону моря. У каждого клина свой флажок. На карте я их обозначил. Всего мы насчитали около ста флажков. Во главе, и по бокам каждого клина девять-десять викингов. Вестфолдинги подают сигналы рогом, бьют в щиты. Тогда клин повинуется их приказам. Порядок у них! Что-то нечеловеческое! Так нам показалось. Строй такой складный, ровный. И захочешь – не получится. На привале, в лагере, дикари одного клина держаться вместе и не расходятся. Так вот, в каждой стороне клина примерно восемьдесят

бруктеров. Значит в отряде примерно три с небольшим тыся-
чи дикарей. Все мы насчитали около ста отрядов. По флаж-
кам счет вели, несколько раз... И еще воеводы, нам показа-
лось, что на закате пыльное облачко клубилось. Возможно –
это подмога. Беженцы рассказывали, что сколько бруктеров
не бей, к ним всегда с заката – из Земли Мрака – дикари
прибывают.

В дружинной избе повисло тяжелое молчание. Князя и
старейшины переглядывались. Шел подсчет вражьего вой-
ска. Велико, ох как оно велико! То, что рассказал Велислав
– повергало в печаль.

– Да-а... – протянул умудренный воинским опытом князь
Молнезар. – Если соберутся все альтидские дружины и опол-
чение, то... – князь махнул рукой. – Сомнут нас дикари! Со-
мнут, как... – Молнезар не договорил. И так ясно, что счет не
на стороне Альтиды, какие бы искусные воины ее не оборо-
няли. – Что скажете, старейшины? Воеводы? Князя? К Аль-
тиде подошла неисчислимая сила! Нам не успеть собрать
войска. А поспеем, так...

Что «так» – виннетский князь не договорил. Его глаза по-
темнели, налились грозой. Ясно – полягут многие, если не
все. И победы не будет. А если каким-то чудом удастся от-
стоять Альтиду, то страна обезлюдеет и превратиться в пу-
стошь. Сразу же появятся новые захватчики. С полудня... С
восхода... На закатном севере нависает мрачный Вестфолд.
Викинги не преминут отплатить за то страшное поражение,

что понесли в Триграде двадцать лет назад. Все слетятся, как вороны на изможденное, обескровленное тело.

– Говоришь, Прозор, ночью они беззащитны? Спят? Тогда ночью и нападать. Перебить сколько можем, и отойти. И так каждую ночь... А если они после первого же набега с места стронуться? Лес подожгут? Это сейчас жары нет, а дальше? Несколько дней сухой погоды, и все...

– Так-то оно так, князь... – сказал один из вендских старейшин. – А если дикари и ночью не так уж беззащитны? Велислав говорит, у них там воинский порядок. Значит, часовые есть. И викинги их ведут. А ведь они не глупы, вестфолдинги! Не дети малые! Что-нибудь удумали и для этого случая. И еще – в темноте ненароком сами себя передавим. И долго ли мы их щипать сможем? Велислав сказал, что на закате облачко пыльное маячит. Значит и вправду подмога идет. Они, чаю, с силами соберутся и в лес пойдут. Надо что-то другое измыслить. – И помня о том, что молодой охотник не просто так, не сам пошел в разведку, а надоумила его и подсказала, что делать сама Прародительница рода, спросил: – Что вы еще видели, Велислав? Какие задумки?

Парень снял с пояса баклажку. Со значением поднял ее, чуть встряхнув. Послышалось бульканье. Сейчас прозвучит главное, то о чем в видении рассказала Прародительница. Велислав, понимая, что в то, что он скажет, поверить сложно, приготовил весомое доказательство.

– Старейшины! Князя! Воеводы! Теперь – самое важ-

ное. – Голос Велислава обрел твердость, и с каждым словом набирал силу. – Бруктеры двинутся на лес не раньше чем через десять дней. Знайте это! Верьте мне! А в этой баклажке вода, но непростая! Слушайте внимательно, что мы с Прозором заметили. Итак, с вечера бруктеры запасаются водой. Посреди каждого отряда всегда стоит несколько бочек. Восемь-десять... Бочата есть у каждого – у каждого! – клина, – со значением подчеркнул Велислав. – А ведь войско дикарей стоит неподалеку от реки. Казалось, что стоит пойти к ней и напиться? Но... Прозор углядел, что перед рассветом, когда бруктеры спят мертвым сном, к бочкам подходят викинги и что-то подливают в воду. Хорошо, что у Прозора глаза такие – все увидит! Все заметит! Без него не было б этой баклажки, что я вам показываю. После того, как вестфолдинги подмешав что-то в воду отходят, бруктеров будят. Дикари сразу же бредут к бочонкам. Мы заметили – им тяжело идти. Будто лишены сил, больны... Но никакой давки нет, я говорил – там порядок, или, наверно, приучены. Каждый бруктер обязательно зачерпнет себе той воды. Каждый! После того, как дикари осушат бочонки, они бодры весь день. А ведь еды-то у них нет! С того, что дают им викинги, сыт не будешь, а ноги точно протянешь. Откуда силы? А вот откуда! – Велислав вновь вздернул над собой баклажку. – Это та вода, что пьют бруктеры. Как нам удалось ее добыть, не спрашивайте. Но главное – это вода из ночных бочек!

Раздался грохот. Это вскочил с лавки виннетский князь.

Глаза его сверкали, он с трудом переводил дыхание.

– Вот это да! Вот так-так!.. – закричал Молнезар зычным голосом. – Если бы не столько лет минуло, то я, пожалуй, решил бы, что сам хеннигсвагский ярл к нам пожаловал! Или его тень из чернобогова пекла чудом выскользнула! Вы поняли, про что я толкую?! Старейшины! Князя! Воеводы!

От этих слов изба наполнилась гулом. Да, эта новость – ошеломительна! У всех на памяти были события двадцатилетней давности. А многие даже видели сами, как в кострах сторало проклятушее зелье хеннигсвагского ярла Торрвальда; как сам батюшка-Перун бил молниями в пламя, среди которых отбивалась от натиска огненных богов многорукая, схожая с пауком-мизгирем, злобная богиня; как стучали, заывая в бессильной злобе, черепа на ее поясе.

А Молнезар, подойдя к Велиславу, взял баклажку и с бережением вытащил крепкую смоляную затычку. Закрыв глаза и держа плоский сосуд подальше от лица, князь осторожно втянул воздух.

– Да! Так и есть! Это оно – проклятушее зелье! – В голосе князя зазвучала тревога: – Велислав! Прозор! Вы к этой воде не прикасались!

– Нет, князь. Мы когда к бочкам крались, издали незнакомый запах учуяли. Терпкий, манящий... Тогда сразу же носы заткнули. Когда мне Прозор рассказал, что викинги что-то льют в бочки, я тоже кое-что вспомнил. Сравнил... Дозволь, князь, важное молвить? Что я думаю обо всем.

– Конечно! Даже не спрашивай дозволения! Говори! Благодаря вам мы знаем, что за враг на Альтиду идет.

– Старейшины! Князья! Воеводы! Я, хоть и молод, но знаю, про какого хеннигсвагского ярла вы толкуете. Слышал эту историю. В наших лесах каждый мальчишка ее знает. – Неожиданно Велислав склонился перед виннетским князем: – Прости, если чем задел.

Потом молодой охотник поднял руку, призывая к молчанию. Сразу же в избе наступила тишина. Старейшины уже поняли, что не просто так Велислав все это делает. Его направляет прародительница. Богиня...

– Есть у меня дума, как дело поправить. Надо отлучиться мне на несколько дней. Может – на неделю. Надеюсь, визнаю верный путь, способ как одолеть и дикарей, и викингов – которые их ведут. Думаю – узнаю я верное средство. Победим мы бруктеров. Без больших потерь победим. А на этом простите. Больше ничего не скажу. Не моя эта тайна...

Велислав отвесил общий поклон, вышел из избы, и, не мешкая пустился в путь. Молодой охотник ушел один, даже не взяв с собой друга Прозора...

* * *

Через пару дней, ближе к вечеру, Велислав подходил к маленькой, крепко срубленной избушке. Под ногами шуршала хвоя, тихо постанывали под ветром верхушки деревьев.

Велислав наткнулся на это спрятавшееся в глухом лесу жильё позапрошлой зимой. Тогда, заплутав в неожиданно поднявшейся метели, и решив, что до ближайшей деревеньки рода Куницы засветло все равно не добраться, он стал готовиться к ночлегу.

Но как только Велислав выбрал подходящий сугроб и натаскал к нему елового лапника, порыв ветра опахнул ноздри легким запахом дыма. Жильё! И где-то рядом. Почему он о нем не слышал? Кто же живет в этом месте? Велислав плохо знал эту часть леса: так далеко от дома он еще не заходил. Идя на ветер, молодой охотник вскоре выбрался к лесной избе. Снег завалил ее чуть ли не по самый конек. Одна труба торчала из сугроба. Хозяином избы оказался преклонных лет, седой косматый волхв. Его звали Хранибор. Хранитель Леса, охранник Бора.

Велислав пробыл у волхва два долгих зимних дня – до тех пор, пока метель не улеглась. Тогда он много о чем говорил с этим неожиданно объявившимся в лесу волхвом. Насколько знал Велислав – никто и не слышал, чтобы раньше в этом месте кто-нибудь обитал...

Сейчас, в теплую пору тут все выглядело по иному, нежели зимой. Жилище волхва стояла среди высоких сосен, недалеко от большого лесного озера. Рядом с избой щипали траву две белых козы. Из почерневшей, слепленной из обожженной глины трубы приветливо вился дымок. Судя по всему, волхв был дома.

На душе у Велислава потеплело: молодой охотник еще ясно не представлял, что он станет говорить волхву, но был уверен в том, что скоро за потемневшими бревнами так или иначе выяснится – как спасти Альтиду. Ведь путь ему указала прародительница – Снежная Рысь.

Постучав, Велислав толкнул скрипучую дверь, и, склоня голову, чтоб ненароком не зашибиться о притолоку, вошел. В избе стояла кромешная тьма. В нос ударил густой дух лесных трав, смешанный с несравнимым запахом свежеспеченного хлеба.

– Дома ли хозяин? Поздорову ли живешь, мудрый волхв? – весело крикнул Велислав в темноту.

– Дома, дома! Поздорову! Спасибо, Велислав! А как ты живешь-бываешь охотник? – отозвался из дальнего угла густой крепкий голос. – Погоди, гость, сейчас огонь запалю. Что впотьмах-то сидеть!

Раздался стук кресала, в набитый сухим мхом горшочек полетела россыпь искр. Разгоревшаяся лучина осветила увешанные мешочками и пучками сушеных трав стены, печь у входа, небольшой стол с приставленной к нему узкой скамьей и самого хозяина – отшельника-волхва.

– Усаживайся, – указал Хранибор на лавку. – К месту пришел: сейчас повечеряем. У меня грибы есть, ягоды. Хлеб с утра сотворил. А коль хочешь, так козье молоко и меда есть. Они у меня старые, выдержанные, как и я. – Волхв лукаво улыбнулся в густую седую бороду.

– Спасибо на добром приглашении! Прости, мудрый Хра-
нибор, недосуг мне. Дело к тебе спешное имею. – Мотнув го-
ловой, Велислав отстраняюще поднял руку, а сам, меж тем,
неволью сглотнул. Он шел два дня, и наспех собранная еда
закончилась еще утром. По пути Велислав не охотился. Не
то время – обернуться надо спешно.

– Хм... – ухмыльнулся волхв, и меж тем, не слушая воз-
ражения гостя, неспешно выставлял на стол яства. – Так уж
и недосуг? Всегда люди спешат! Будем вечерять... куда ты
на ночь пойдешь? Заодно и обсудим твоё спешное дело.

Ну что ж. Перечить радушному хозяину не следует. Ве-
лислав знал, что в запасе у него еще есть неделя. Раньше
этого срока дикари с места не тронутся. «Благодарю тебя,
Прародительница! Благодарю, что срок ведаю! – мысленно
вознес хвалу Велислав. – Благодарю, что заботишься о по-
томках своих, опекаешь их в трудный час». Но время, вре-
мя! На миг в глазах Велислава вспыхнуло видение: жаркое
утро, по окраине леса к небесам возносится пыльное обла-
ко – это подходят бруктеры. Их много, а за ними, вдали,
идут еще! И еще! Дикари идут с заката и несть им числа! Их
тьма, великая тьма! Гудят боевые рога викингов, слышит-
ся звон щитов, рокот барабанов. Затем лес горит, ветер го-
нит пал на восход; от него убегают звери, но тщетно – им
не уйти. Огонь, подгоняемый ветром, настигает их. А вслед,
меж обугленных стволов идут орды темноликих дикарей. Их
глаза бездумны, пусты. Там где прошли бруктеры, остается

лишь кровавое месиво из втоптаных в землю останков. Это попеременно лежат павшие воины Альтиды и темноликие захватчики. Бруктеры идут дальше, убивая всех и вся...

Велислав мотнул головой и чуть не застонал. Но тут, молодого охотника обдало теплом и лаской, так же как тогда – ночью, когда он увидел Прародительницу. Подняв голову, Велислав вдруг увидел в полумраке большие желтые глаза, а над ними очертания острых, увенчанных кисточками ушек. «Снежная Рысь тут! – обожгла мысль. – Она ведет меня! Она рядом!» Сердце охотника наполнилось надеждой. Прародительница не покидает своих потомков.

И волхв Хранибор, без сомнения что-то узрел. Его лицо на миг стало серьезным. Из-под густых бровей на Велислава испытующе глянули серые глаза. Хранибор понял: молодому охотнику надо спешить, но время у него еще есть. Не с праздностью пришел он сюда, а по великому делу.

– Когда уйдешь?

– Перед рассветом выйду, волхв. Спешу.

– Знаю. Да ты присядь.

Велислав, подвинув скамью, уселся возле стола.

– Да ты на лавку садись! Чай ты гость дорогой, хоть и неожиданный. Сядь на лавку, не чинись. Жди, пока я на стол соберу. Вижу, не один ты пришел, – улыбнулся волхв, и посмотрел на то место, где возник образ Прародительницы. – Говори!

Велислав скинул плащ и послушно пересел на лавку у сте-

ны. Не раздумывая, торопливо, молодой охотник стал излагать спешное дело, из-за которого он и проделал весь этот нелегкий и быстрый, даже для неутомимого венда-охотника, путь.

– Мудрый волхв! К границам Альтиды подошла неисчислимая сила: дикари – именуемые бруктерами. Они схожи с людьми, но тела их покрыты жесткой шерстью. Это дикий, ни с кем не схожий народ. Они пришли с заката и встали невдалеке от нашего пограничья. Бруктеры упрямо идут на восход, и почему – я не знаю. Скоро, поначалу пустив в наш лес огонь, они двинутся дальше. Дикари пойдут по пепелищу, вслед за палом. Если это случится, погибнут многие. Звери, люди... Погибнет лес. Это я знаю точно. В пограничье стягиваются наши войска, но дикарей слишком много. Всей силы Альтиды не хватит, чтобы совладать с ними. Пришла большая беда, Хранибор.

– Так-так, Велислав, – тряхнув седыми волосами, протянул волхв. – Говори все что знаешь, и по порядку. Не спеши...

И Велислав начал подробный рассказ о том, что вызнал от беженцев, о том, что они с Прозором вывели в лагере бруктеров, и о том, что так или иначе касалось нашествия дикарей...

ГЛАВА 3. Как смекалка разрушила злой умысел викингов

Рассказ длился долго. Велислав и не заметил, как наступила глухая ночь. Порой волхв перебивал охотника, уясняя для себя какое-нибудь особо важное, а на взгляд Велислава – незначительное, обстоятельство.

После того как повествование подошло к концу, Хранибор долго молчал. Его пальцы теребили конец пояса, лоб разрезала глубокая морщина. Волхв думал. Потом, поднявшись, начал выставлять на стол различную, одуряюще вкусно пахнущую снедь. Лесные ягоды, густо пересыпанные луком жареные грибы, топленое козье молоко, ржаные лепешки... В общем, все обещанное волхвом угощение вскоре украшало стол.

– Угощайся гость. – Хранибор радушно повел рукой. – И теперь говори, почему ты пришел именно ко мне? Волхвов и ведунов в альтидской земле немало. Есть и мудрее, и искусеннее в чарах, и сильнее меня заклятьями. Есть и ведьмаки, которым подвластно то, о чем я даже помыслить не могу. И тебе это ведомо. Кудесников в нашей земле много. Это так... Но! – Тут Хранибор протянув вперед руку, выставил ладонь вверх, будто замыкая рот Велиславу. – Я сам на это

ответчу, и скажу вот что!

Тут в серых глазах волхва сверкнула грозовая зарница.

– Ты знаешь: колдуны закатных стран уже пытались остановить дикарей, и у них ничего не получилось. Они колдовали разрозненно. Но даже если все волхвы, колдуны и чародеи Альтиды соберутся сразу в одном месте, и одновременно начнут борьбу с бруктерами – это не поможет! Их удел колдовство, их удел иной – не людской мир. Чародеи знают с тем, в чем люди мало смыслят. Наслать на дикарей грозовой ураган? Устроить им потоп? Испепелить огнем и сжечь молниями? Побить ледяными глыбами? Они это могут – но это не спасет Альтиду! Дикарей слишком много! Силы колдунов быстро иссякнут. В тяжелом ратном труде чародеи слабые пособники. Ты это знаешь, но все-таки пришел к одному из них. Ты пришел ко мне напрасно. Не знаю, кто надоумил тебя...

И тут молодой охотник, еще в первую встречу догадавшись, кто этот лесной мудрец, и что ему довелось пережить в далекие времена, решился сказать главное.

– Волхв, сейчас тебя зовут Хранибор. Я знаю – ты исходил полмира, ты видел такие чудеса, о которых никто даже не слышал. Но прости, волхв, я знаю, кем ты когда-то был, что тебе пришлось пережить. И хоть меня тогда не было на свете, я знаю, как ты когда-то спас Альтиду от неслыханной беды. Я знаю славное имя, которое ты носил тридцать лет назад, когда предводительствовал тысячной дружиной Триграда. Я

знаю твое настоящее имя, Хранибор!

Говоря такие слова, Велислав смело глядел в глаза в серые глаза волхва. Из них, казалось, вот-вот вырвется молния, и испепелит на месте молодого венда. Но что стоит его жизнь, в сравнения со спасением Альтиды? Ничего! Велислав глухо закончил: – Прости, если что не так сказал. Прости, и помоги чем можешь...

Замолчав, Велислав перевел дыхание. Смелые слова дались тяжело. Перед ним стоял не простой человек, а могучий волхв. Прошлое этого волхва омрачала тяжелая тайна. И Велислав ее знал. Он испытующе смотрел на волхва, готовясь к самому худшему.

Взгляд Хранибора испепелял наглеца, губы его шевельнулись, сжатая в кулак рука поднялась. Волхв начал творить заклинания...

Велислав почувствовал, как похолодели ноги, затем онемело тело. Велислав мог пошевелить лишь головой. Глянув вниз, он увидел, что пол вокруг него покрылся тонким слоем льда. Мороз поднялся выше, подкрался к сердцу. «Заморозит! – обожгла мысль. – И ладно, пусть... Легкая смерть... Но Альтида...»

Вдруг он почувствовал, что сжимавший сердце ледяной холод ослабел, улетучился. Тело и ноги вновь стали теплыми и послушными. Слой льда, окружавший ноги, исчез. Сведенные брови волхва разгладилось, исчезли грозные зарницы в глазах, поднятая рука опустилась. Велислав перевел дух.

«Обошлось!»

Тень застарелой боли омрачило лицо хозяина.

– Мое имя... – медленно, с горечью, сказал Хранибор. – Этого имени больше нет. Оно ушло из жизни три десятка зим назад. Я изгнал его из своего сердца. Оно не достойно того, чтобы о нем кто-то помнил. Моя вина перед людьми велика...

Подойдя к выходу, волхв приоткрыл скрипучую дверь и выглянул наружу. Велислав смотрел на него с печалью: «Столько лет прошло, а он... Он даже не догадывается, что с его имени снята печать позора. Все давно поняли, что нес Альтиде хеннигсвагский ярл. Поняли, и простили воеводу Годослава... Только он не простил себя...»

Волхв вернулся к столу и усевшись рядом с охотником неторопливо спросил:

– Говори, Велислав, как ты об этом узнал, или может... может догадался?

Молодой венд улыбнулся.

– Хранибор, недавно я ходил в Виннету. Там я видел твою дочь, княгиню Всеславу. Она похожа на тебя. Очень похожа... У нее такие же серые глаза. Таких глаз я больше нигде не встречал, хоть и немало троп истоптал по вендским лесам. Да и за пределами леса – в самой Альтиде, не раз бывал. Я когда ее увидел, то сразу подумал о тебе. Вы схожи. И у нее есть сын, и говорят, он похож на мать, значит и на тебя, Хранибор.

– Дочь, – тяжело вздохнул волхв. – Внуки... Семья... У меня ничего этого нет. И не будет. Как бы я хотел их увидеть... – Хранибор вновь печально вздохнул. – Хорошо, Велислав. Я все-таки попробую помочь Альтиде. Может, хоть так я смогу искупить давнюю вину. Не обессудь, помогу – как умею. И всем – чем знаю.

– Волхв, но ведь ты не виноват! – воскликнул Велислав. – Ты же тогда спас Альтиду, хоть и пожертвовал всем, даже честным именем!

Хранибор, махнув рукой – мол, не сейчас – подошел к стоящему в дальнем углу избы небольшому сундуку. Немного в нем покопавшись, он извлек оттуда обмотанный плотной холстиной сверток. Положив его на стол, волхв присел, и медленно развязывая бечеву начал что-то размерено нашептывать. Велислав понял – Хранибор творит те осторожные слова, которые не каждый может услышать. Видимо в свертке находится что-то важное, что-то такое, что требует к себе особого отношения.

Вскоре перед Велиславом лежали два длинных, красноватых корня неведомого растения. От них шел терпкий, густой запах.

– Вот, – сказал Хранибор. – Чуешь запах?

Велислав принюхался. Да, запах знакомый. Необычный, резковатый... Именно так пахла та вода, что он и Прозор принесли из разведки.

Волхв улыбнулся, видя как Велислав понюхав, раздумчи-

во покачал головой.

– Нет, Велислав. Не бойся: корни не принесут вреда. Это не сок, не кровь тех проклятых цветов, что тридцать лет назад чуть не сгубили Альтиду. Это их корни, и они должны помочь. Сейчас я научу тебя, сколько надо взять, чтобы обезвредить целую бочку того зелья, которым викинги опаивают бруктеров. Надо совсем немного. Дай нож. Смотри внимательно, охотник...

Велислав, отцепив с пояса ножны, положил их перед волхвом. Хранибор, ловко вытащив острый охотничий клинок, крутанул его меж пальцев и, почти не целясь, дважды рубанул по концу одного из корней. Велислав поднял бровь – несмотря на прошедшие годы, бывший триградский воевода не утратил боевой сноровки. «А ведь славный воин! – мелькнуло в голове у охотника. – Эх, жаль, что все так вышло...»

От корня волхв отмахнул ровный маленький кусочек – не больше гречишного зерна.

– Вот охотник, этой малости должно хватить на большую бочку зелья, улыбнулся Хранибор. – Но как подмешать, я не знаю. Думай сам. Скажу так – одного этого корня с избытком хватит на несколько войск бруктеров. Забери его. Может, он поможет...

Волхв протянул Велиславу один из корней. Молодой охотник взял, повертел его, и с любопытством спросил:

– Хранибор, я знаю – это поможет. Я верю тебе. Но скажи, где ты их взял? Как догадался?

Волхв грустно усмехнулся

– Ты же знаешь – кто я, и кем я когда-то был. Беда пришла внезапно, – от человека, которого я считал своим другом. Он заманил меня в ловушку. Опоенный страшным зельем я умирал. Чтобы спасти себя и людей, коими овладел коварный яд, мне надо было найти противоядие. И я искал его. Искал по всему миру. О своих странствиях я рассказывать не стану. Это долгая история. Скажу лишь, что, наконец, я добрался до тех мест, откуда в наш мир порой попадает это коварное, чарующее и страшное зелье. Знай, его готовят из стеблей красивых, красных цветов с дивным запахом. Его берут в тот миг, когда цветок умирает. Я искал ответ, как и чем можно победить отраву, и нашел его. Он прост: из верхушки цветка истекает это коварное зелье, а корень цветка – обезвреживает его. Вот так... Корешки уничтожают то, что сотворили верхушки. Мне удалось добыть сразу два корня. Как это удалось – не очень-то важно. Но главное – я сразу излечился. С той поры я больше не помышляю об этом зелье. Возьми один из этих корней, и пусть он вам поможет. Но знай, – тут Хранибор значительно возвысил голос, – знай, что он поможет только тогда, когда попадает в воду, вино или иной отравленный зельем напиток. В них он растворяется сразу. В простой, неотравленной, воде – он бессилен. По-другому его использовать нельзя.

Лицо Хранибора стало печальным. Склоня голову, они тихо, с горечью продолжил: – Ах, если бы можно было бро-

свить этот корень в ту реку или озеро, из которых викинги берут воду. Тогда дикари излечились бы все сразу, прозрели. Но так ничего не получится. Добавлять его можно только в готовое зелье.

Я уверен, бруктеры не сознают что делают. Ведь все-таки это люди, хоть и не схожи с нами. Когда ты рассказывал о них, я не стал говорить, что во время моих странствий я с ними встречался. Они не хуже нас с тобой – знай это. Просты... веселы. У них есть свои боги, – задумчиво добавил волхв. – Мне жаль их. Только темный промысел вестфолдинга мог измыслить подобное зло над бруктерами. Над ними, и над Альтидой... Погибнет много наших воинов...

– А теперь, давай потрапезничаем. Хватит разговоров. Потом ложись спать, молодой охотник. Завтра я разбужу тебя перед рассветом. Твой сон будет крепок: ночью опять пойдет дождь – лягушки в озере молчат.

Укладываясь на лавке после обильного ужина, Велислав уже сонным голосом зачем-то спросил: – А коза? Ее никто не сожрет? И другую тоже...

Хранибор весело рассмеялся: – Экий ты хлопотун! За коз забеспокоился! Хозяином быть тебе, да рачительным! Не переживай за круторогих – на крыше переночуют.

Ранним пасмурным утром Велислав отправился в обратный путь...

За время отсутствия Велислава войск в пограничье при-

было. Но все равно, в сравнении с числом дикарей альтидских воинов было мало. «Эх, хорошо, что ненастные дни стоят, — думал охотник, глядя, как большой конный отряд уходил на полуночь, — если бы припекало — бруктеры давно бы лес подпалили и на захват ринулись.

Прежде чем зайти в родовую избу, Велислав ненадолго завернул к кузнецу. Деревенская кузница стояла поодаль от деревни, на поляне. Рядом с дверью стояла наполненная водой кадка, а земля вокруг избы была с тщанием перекопана и вытоптана, чтоб ни малая искра, ни язычок пламени, случайно выскочившие за дверь, не нашли себе поживы...

Кажется, работы у кузнеца сейчас немного: сооруженная невдалеке коновязь пуста — дружинные лошади обихожены. Толкнув низкую тяжелую дверь, Велислав вошел в темную, душную избу. У небольшого горна с кожаным мехом на обожженной чурке стояла наковальня, по закопченным стенам висели клещи, молоточки, напильники. В дальнем углу кучей лежали железные обломки — они еще пригодятся, пойдут на перековку. Деревенский кузнец — здоровый, плечистый мужчина — устало смотрел на молодого охотника. За последние дни навалилось много работы. И даже он, казалось бы, привычный к тяжелому труду, замаялся.

Недолго поговорив с кузнецом, и растолковав, что надо сделать, Велислав скинул рубаху и, облачившись в плотный кожаный передник начал разжигать горн. Он надавил на рукоять меха и воздух с шумом охватил тлеющие угли. Наддал

еще раз, и в горне загудело пламя, из устья на вытоптаный пол брызнули горячие угольки.

– Не так, Велислав. Старания и пыли много, искры летят, а жару чуть-чуть, – улыбнулся кузнец. – Смотри.

И отодвинув молодого охотника, стал качать, размерено нажимая на рукоять меха. Воздух в горн пошел тугим, беспрерывным потоком.

– Так качай.

Кузнец отошел и, подбирая нужную заготовку, загремел железом в дальнем углу.

Вскоре раздался звонкий перестук молотков. Работа спорилась – кузнец знал свое дело, да и в просьбе молодого охотника не было ничего сложного: два бронебойных наконечника для стрел. Только Велислав попросил, чтобы на острие жала он сделал небольшую выемку. Такую, чтобы в него поместилось гречишное зерно.

В кузнице Велислав пробыл недолго. Ополоснувшись водой из бочки, он направился к старейшине – Словуте Хвату. Велислав торопился. В руке венд сжимал теплый сверток с только что откованными наконечниками для стрел. Молодой охотник взял бы с собой Прозора, но не нашел его. Велиславу сказали, что его друг обещался быть к вечеру.

В просторной родовой избе стояли духота, гул. Вдоль стен на длинных лавках сидели новоприбывшие князья, воеводы, старейшины дальних вендских родов. Они горячо спорили друг с другом, пререкались. Видимо, к согласию и единому

мнению воеводы так пока и не пришли. Во главе стола, подперев голову рукой, сидел сорокалетний князь Молнезар. Он задумчиво молчал, смотря перед собой невидящими глазами. Молодой виннетский князь пользовался большим уважением, к его словам прислушивались. И на поверку всегда выходило так, что принятое Молнезаром решение оказывалось наилучшим. Но до сих пор никто из воевод так и не предложил ничего толкового. При виде Велислава глаза князя радостно блеснули. Наконец-то! Два долгих дня Молнезар ждал, с чем вернется ловкий и смекалистый венд.

Молодой охотник отвесил общий поклон. Дождавшись, когда шум немного стихнет, с жаром заговорил.

– Старейшины, князь, воеводы! Простите, что прервал ваши думы, вашу беседу. Знаю, мыслете вы, как одолеть врага. Но позвольте и мне сказать. Знаю я, как не пролив крови одолеть и бруктеров и тех, кто их ведет – викингов. Много жизней мы сохраним, и вернутся скоро наши дружинники обратно. Есть средство одолеть нАпасть – не выходя на смертный бой!

Воеводы загудели. Молодой охотник говорил неожиданные вещи. Как это так – победить, не приняв бой? Такого за долгие века в истории Альтиды еще не случалось. Велислава поддержал Молнезар. Виннетский князь еще в первую встречу подивился хватке и сметливости молодых охотников. Тогда он еще подумал, что лучше наставников для своего маленького сына – княжича Добромила, ему не сыскать. Вели-

слав и Прозор сильны, ловки, сообразительны. Знают лес. Пусть его сын вырастет вендом. Ведь и виннетская крепость стоит на вендской земле, в вендских лесах. Эта мысль запа- ла в душу Молнезара. Встав, князь поднял руку, призывая к вниманию, и воскликнул: – Говори, Велислав! Мы ждали, с чем ты вернешься! Чаю, вести снова хорошие?! Вон как све- тишься! Говори!

Обернувшись к новоприбывшим воеводам, князь Молне- зар пояснил: – Это один из тех охотников, тех воинов, кото- рые добыли нам тайну: кто и как ведет бруктеров. Мы только пока не ведаем – зачем? Благодаря Велиславу и Прозору мы многое сейчас знаем. То, что несколько дней назад сделали два молодых венда – неоценимо!

После таких пылких слов в избе наступило глубокое мол- чание. Воеводы ждали.

Велислав, подойдя к Молнезару, молча положил на стол туго перемотанный холщовый сверток и два, только что вы- кованных, бронебойных наконечника. Они немного отлича- лись от обычных: посередине гладкого наконечника торча- ли два коротких замысловатых шипа. Снарядить ими стрелы молодой охотник не успел. Спешил.

Развернув сверток, Велислав достал красноватый, с уди- вительным, необъяснимым запахом корень. И чтобы видели все, поднял его над головой.

– Вот что должно нам помочь! – с жаром воскликнул Ве- лислав. – Вы знаете, что викинги чем-то опаивают брукте-

ров. Этот корень – противоядие от зелья коварных вестфолдингов! Для этого всего лишь надо добавить малую частицу в отравленную воду. Я это твердо знаю...

И встретив недоуменные взгляды, пояснил: – Вы знаете, слышали о том, что произошло в Триграде тридцать лет назад. Лучшего средства от той отравы нет!

– Хорошо, – с сомнением протянул умудренный годами полоцкий князь. – Может, это и хорошее средство от апрамеи. Но как ты собираешься его употребить? Как ты добавишь его в воду? Как ты собираешься напоить дикарей? И главное! Что станут делать бруктеры, когда очнутся от морока? Сложат оружие? Побегут?

Велислав молчал. Эти вопросы он задавал себе не раз, и точного ответа не находил. Хотя, молодой охотник по пути домой уже успел кое-что придумать. Ведь недаром он сначала пошел не сюда, а поспешил к деревенскому кузнецу.

– Не знаю, князь, – честно ответил Велислав. – Не знаю... Но мыслю так – викинги уже не смогут собрать и построить клинья-вепри. Прозревшие бруктеры перестанут повиноваться и, выйдя из подчинения, обрушатся на своих поработителей.

– А я знаю – должно получиться! – поддержал Велислава князь Молнезар. – Князья! Старейшины! Воеводы! Что мы потеряем? Бруктеры рядом. Скоро они вплотную подойдут к лесу. Думаю, они станут лагерем у озера, что в трех верстах отсюда. Викингам нужна вода. Я мыслю так – их нападение

пока сдерживает только ненастье. Как только распогодится, они войдут в лес. Может даже подожгут его, и если ветер будет дуть со стороны заката – придется туго. И если дикари пройдут сквозь земли вендов, то вот она – Альтида! А что можем мы? Вывести на битву войска? Силы неравны. Вы это хорошо знаете: бруктеров много, слишком много. Так пусть Велислав делает так, как замыслил! Я понял, что он хочет сделать!

– Ты, князь, спрашивал, как подмешать корень в воду? – Губы Молнезара раздвинулись в хищной улыбке. – Так вот, посмотри на эти наконечники. Видишь, как они выкованы? Видишь ямку в кровостоке? Вот она. – Молнезар передал один из острых бронебойных наконечников полоцкому князю. – Посмотри. А ты, Велислав, говори дальше.

– Да, ты прав, князь. – Велислав взял другой наконечник. – Они не простые. Видите, на конце жала, в желобке, кузнец выбил маленькую выемку? Вот для чего она.

Велислав достал из сумки катыш сосновой смолы, и немного отщипнув от него, вложил кусочек в ямку на конце жала. Потом, отрезав от корня маленькую частичку – не больше гречишного зерна, крепко прилепил ее к смоле – прижав для надежности пальцем.

– Все, – улыбнулся Велислав. – Теперь не отлетит. Бронебойная стрела пущенная из нашего лука с легкостью пробьет стенку любой крепкой бочки. Частичка корня, что прилеплена на конце наконечника, окажется в отравленной воде и

обезвредит ее. Как венды стреляют из лука – вы все знаете.

Да, мысль хороша! Собравшиеся загудели. Наконечники пошли по рукам. Каждый воевода, внимательно осмотрев граненое жало, решил, что лучше и не придумать, как донести противоядие до отравы. Издалека! С безопасного расстояния! Молодой охотник умен! Хвала ему! Когда затих гул, вызванный неожиданным предложением, кто-то из старейшин спросил: – А потом? Что дальше делать?

– А потом вот что! – Князь Молнезар даже удивился, что спрашивают об этом. – Ночью к лагерю бруктеров пойдут лучшие стрелки вендских лесов. И так же мои дружинники. Расположимся так, чтобы на каждого лучника пришелся один отряд бруктеров. Пойдем скрытно, в тишине. Ну да не мне вас учить, охотники! Перед рассветом, когда вестфолдинги подмешают в воду зелье, приготовят свое пойло, и начнут расталкивать бруктеров, – напасть! Так воин? – Молнезар повернулся к Велиславу.

Молодой охотник с уважением поклонился. Молнезар почти полностью угадал его хитроумный замысел. Виннетский князь все больше и больше нравился венду своим умом, рассудительностью и... и решительностью. «Но какой я воин? Я просто охотник, – мелькнуло в голове венда, – почему он меня так назвал?» Вслух же Велислав сказал: – Так, князь! Все верно удумал. Мне пока добавить нечего...

Князь Молнезар поднял руку. Вновь наступила тишина.

– Так, решено! Важно не то, сколько бруктеров перебьют

вендские лучники. Их, Велислав, вам вообще бить не надо... Главное смятение. Оно будет. Мои дружинники начнут стрелять наугад, а вот твои стрелки, Велислав, будут метить в бочки с водой и в вестфолдингов. Для вас это самое главное, – настойчиво-твердо сказал князь. Но до чего ж ты все это хорошо удумал! – Молнезар не удержался и хлопнул молодого охотника по плечу. – Воеводы, вы поняли, зачем на бронебойном наконечнике эти замысловатые шипы? Стрела пробивает доску, и в ней намертво застревает! Ну, Велислав! Ну молодец! – широко улыбался виннетский князь. Он уже был уверен, что все получится: Альтида победит.

– Да и ты, князь, не промах! Вон как ловко все рассказал...

– Не все, Велислав, погоди. После того, как одна, а лучше две стрелы, застрянут в каждой из бочек, быстро уходите. Да что там уходите! Бегите в лес – какими бы трусливыми не были эти слова! Главное уже сделано! Пускай потом викинги поят дикарей зельем! Вместо яда – противоядие! Вестфолдинги и не поймут, зачем мы сделали этот бестолковый налет! До поры не поймут, – угрожающе добавил Молнезар, – а потом будет поздно. Дикари исцелятся и прозреют. Ну а что делать дальше – посмотрим. Отсюда, из леса. Так что в поле на сечу нам выходить не придется. Вот так и будем воевать. Я все сказал, почтенные старейшины, князя и воеводы! Если кто еще чего умыслил – предлагайте!

Полоцкий князь – самый старший в избе – обвел взгля-

дом присутствующих, и не увидя ни в ком сомнения, твердо сказал: – Все так, князь Молнезар! Правильно удумали! Если получится, то скольких воинов сэкономим! Бери под руку войско, князь!

Князь Молнезар поклонился, благодаря за доверие. Подойдя к Велиславу, крепко пожал ему руку

– Не меня благодарите, почтенные, а вот его – молодого воина! – Тут он неожиданно похлопал Велислава по крутому плечу. – Если получится наш с ним замысел, то помните, что это он спас Альтиду от небывалой напасти! Ему честь и хвалу воздавать будете!

И отступя, князь ответил молодому венду глубокий поклон.

– Велислав, – хитро спросил Молнезар, – а откуда ты вы узнал про этот дивный корень? Может, расскажешь?..

Теперь пришел черед склонить голову перед Велиславом.

– Прости, князь! Не моя это тайна!

– Хорошо, воин! Пусть тайна останется там, где ей надлежит быть. Пусть... А теперь собери кузнецов – пусть переделывают наконечники. Объясни им и покажи как надо. Я же сейчас прикажу, чтобы и мои дружинники снесли им все бронебойные стрелы.

– Все стрелы не надо, князь. Хватит и трех-четырёх тысяч. Мы их сами приладим, под свои луки. У нас, князь, свои ухватки. Свои стрелы мы сами выверяем.

– Пусть так. Теперь о воинах. Что скажете, почтенные?

Кто в набег пойдет?

Из-за стола поднялся старейшина Словута Хват.

– Старейшины! Я прошу об одном! Отберите лучших стрелков своих родов. Надо чтобы они могли бить во тьме так же, как при ясном свете. В моем роду столько не наберется. Всего нужно три сотни стрелков. Скажите им, что из этого налета вернутся не все. Они должны знать – у брукте-ров их поджидает гибель.

– О чем говоришь, Словута! – воскликнул старейшина рода Лисиц. – Смерть и так рядом! Кто ж наши леса и альти-дские земли спасет – как не мы?! Пойдут лучшие стрелки! Не сомневайся, Словута!..

Со всех вендских родов снарядили около трех сотен охот-ников. Набралось бы и больше, но для задуманного глав-ной преградой являлась темнота. А вызвавшиеся идти в этот необычный налет могли без промаха бить как в крошечной тьме, так и при дневном свете.

Вечером Велислав собрал их на большой поляне. Необходи-мо было разъяснить стрелкам, что придется сделать.

– Венды! Охотники! То, что нам предстоит сделать – несложно! Видите, вон там, у деревьев, расставлены бочон-ки. В каждый из них надо вогнать по две вот таких стрелы.

Велислав достал из тула несколько стрел с черно-белым оперением. Все они были снаряжены недавно откованными бронбойными наконечниками.

– Это главное. Такими стрелами надо бить в первую оче-

редь и только в бочонки! После этого стреляйте в вестфолдингов, но уже другим стрелами. На каждый отряд бруктеров придется по три наших охотника. У каждого будет по три-четыре таких стрелы. Завтра к вечеру мы выйдем из леса. К утру окружим стан дикарей. Каждый выберет себе цель – бочку с водой. Как только утром, на рассвете, викинги подмешают в эти бочки зелье – будем бить! Когда нападать, услышите и увидите.

Велислав достал из тула особую стрелу и не мешкая пустил ее высоко в небо. Длинная – для дальнего боя – стрела, снаряженная свистулькой из клееного рога, в полете завывала и падая издавала такой резкий звук, что у Прозора по коже пробежали мурашки.

– После этой я пушу горящую стрелу. По этому знаку не мешкая бейте в бочки. Одновременно дружинники князя Молнезара обрушатся на лагерь. Они будут отвлекать врага. Нападут со стороны леса. У нас будет время, чтоб продырявить все бочки, ну и сколько-то викингов... если получится. Вторая горящая стрела – это знак к отходу. После нее сразу бежим в лес. Вот, вроде бы и все. Все поняли, охотники? Скоро стемнеет. У Прозора снаряженные стрелы, разбирайте. Будем бить по бочкам, – надо привыкнуть...

Бруктеры подошли к границе Альтиды через два дня. Они разбили свое стойбище в трех верстах от леса, окружив клиньями-отрядами небольшое озерцо. Князь Молнезар угадал и это: место где станут дикари.

– Ну, Велислав, все как мы думали. Они тянутся к воде, – сказал виннетский князь, глядя как вдали к небу взмываются клубы пыли. Ее подняли тысячи и тысячи ног дикарей и викингов. Вчера долгая ненастная погода закончилась, и земля уже успела подсохнуть. – Когда начнем, воин?

– А что медлить, князь? – хмуро глядя на пыльную тучу, отозвался Велислав. – Сегодня вечером и выйдем. У нас все готово.

– Добро, – согласился Молнезар. – Выходим вечером. Моя дружина знает, что делать. Я ее поведу.

– Князь, прости, но зачем тебе туда идти? Там не надо много людей. Ну сотня, может две. Просто пошуметь, броней побряцать, внимание отвлечь. Даже и биться-то всерьез не надо! А если с тобой что случится?

Князь Молнезар помолчал. Затем тяжело вздохнул. Его лицо омрачилось.

– У меня есть маленький сын. Я не хочу, чтобы на нем висели грехи предков. Хоть они и сделаны из благих побуждений – но это грехи. Пусть уж они одолевают меня. Я искуплю их сейчас, чтобы ему не пришлось это делать потом.

Тень сомнения скользнула по лицу венда.

«В нашей ли власти искупать чужие грехи. Грехи... которых не было, – невесело подумал Велислав. – Эх, знал бы князь, благодаря кому мы знаем, как победить дикарей...»

Молнезар, положив руку на плечо молодого охотника, веско и твердо произнес.

– Велислав. Когда все кончится, я попрошу тебя об одной услуге. Я хочу, чтоб ты стал наставником моего сына, княжича Добромилла. Наставником во всем. В охоте, в воинском деле. Я хочу, чтобы ты показал ему лес, научил его любить, жить в нем. Передай ему то, что умеешь и знаешь ты! У княжича есть воспитатель, опытный мореход, повидавший мир человек. Венд. Но его долго не было в наших краях, и он мало знает о лесе. А ты в нем вырос. Пусть у княжича будут два мудрых наставника. Обещаешь?

– Обещаю. После победы мы поговорим и об этом. А пока... Я схожу на священное место, к дубу Перуна. Принесу жертвы богам. Пусть наша праматерь Снежная Рысь поможет нам этой ночью.

– И пусть, – серьезно подхватил Молнезар, – великий Дажьбог поможет своим правнукам, пусть велит Купальнице сделать эту ночь непроглядный для глаз врага... Пойдем, Велислав. Я с тобой...

...Венды мчались к лесу. Перед Велиславом мелькала могучая спина Прозора. Богатырь улепетывал перепуганным зайцем. Велислав старался не отставать, но куда там! Сзади него порывисто дышало несколько охотников. Венды стремились быстрее юркнуть в густой лесной кров, зарыться в покрытую утренней росой хвою.

Велислав на мгновение остановился. Перевел дух, оглянулся. Кажется, зря так мчались! Сзади никого нет.

– Прозор, стой! Да стой же! Все кончено!

Богатырь остановился, оглянулся. На лице появилась довольная улыбка. Да, вроде действительно все закончилось: за охотниками никто не гнался. А вот бруктеры... Из их лагеря неся глухой рев, долетал перезвон оружия. В столбах пыли кипел водоворот. Шла бойня. Бруктеры уничтожали викингов. Опамятовавшиеся вестфолдинги сдерживали их натиск, но все тщетно. Им даже не удалось построить хотя бы один боевой клин: слишком далеко друг от друга они находились. Одинокó завывал боевой рог и где-то вдали грохотал барабан. Все напрасно.

Велислав хлопнул Прозора по плечу. По очереди обнял охотников, что ходили с ним в скрытый налет. Молодой венд испытывал несказанную радость – его замысел оказался верен. Альтида спасена.

Все прошло как нельзя гладко. С вечера вендские охотники вышли на закат и ближе к полуночи приблизились к лагерю бруктеров. Когда до него оставалось около версты, венды, разбившись на тройки, разошлись по сторонам. Надо было охватить лагерь широким незамкнутым со стороны леса кольцом. Это требовало времени. Темнота скрадывала бесшумные тени и стоявшие в дозоре викинги ничего подозрительного не заметили. А вендам наоборот, – горящие в лагере костры служили отличными указателями. Они хоть и скудно, но освещали и тяжелые очертания викингов, и спящих бруктеров и – главное – бочки с водой.

Незадолго перед рассветом, когда небо светлеет, стали щебетать утренние птицы. В их пение вплелся легкий пересвист перепелов. Перепела ночью не поют, но откуда это знать вестфолдингам? А этим пересвистом вендские охотники давали знать друг другу и Велиславу, что они уже расположились как надо, и готовы к стрельбе.

Вскоре из большого шатра, стоявшего посередине лагеря, вышел молодой светловолосый викинг в богатом, изукрашенном золотом доспехе. Судя по всему, это и был ярл – предводитель всего этого неисчислимого войска. Викинг поднес к губам турий рог и предрассветную тишину разрезал низким, хрипловатый гул.

Викинги у костров встрепенулись, вскочили. Некоторые из них в свою очередь подали ответный сигнал, заодно будя резким звуком рога сонных очумевших дикарей. Бруктеры просыпались тяжело. Над лагерем понеслись стоны. Другие же вестфолдинги тем временем быстро подливали в бочки зелье. Надо торопиться, сейчас дикари потянутся к воде. Начинался новый день неслыханного до сей поры похода.

– Пора... – шепнул Велислав. – Твори огонь, Прозорушка...

Кивнув, богатырь достал из заплечной сумы небольшой, плотно укупороженный горшок. В нем лежал сухой трут. Из тула извлек длинную стрелу. Ее конец был обмотан пропитанной горючей смолой бечевой. Сорвав с горшка крышку, Прозор взяв кремь, изготовился стукнуть по нему креса-

лом.

– Готово...

Пронзительно завывла сигнальная стрела Велислава. И тут же Прозор, стукнув железом о камень, высек искры, сунул во вспыхнувший трут конец просмоленной стрелы и вскочив выстрелил высоко в небо, – так, чтобы стрела угодила в середину лагеря. Богатырь стрелял не наобум. Он рассчитал так, чтобы горящая стрела угодила прямиком в шатер ярла Халли. Только он с его силой и ловкостью мог проделать такое: жилище ярла находилось далеко от охотников. Получилось! Шатер вспыхнул как сухая береста.

А Велислав, не дожидаясь пока завывающее древко воткнется в землю, стремительным, отработанным движением наложил на тетиву бронебойную стрелу с противоядием и почти не целясь пустил ее в дальнюю бочку с водой. Он точно видел, что викинги уже вылили туда отраву.

– Давайте, ребята! – негромко произнес он. Но охотники и без его слов уже били в сторону костров: сначала в бочки, потом в викингов. В лагере нарастало смятение. Вестфолдинги не понимали, что этим утром случилось с их послушными рабами. Но разбираться некогда. Со стороны пасущегося невдалеке конского табуна раздался тягучий хриплый рев страшных беров. Это венды-охотники, изображая гнев лесных хозяев, погнали лошадей на лагерь, внося смятения еще больше.

Вроде все сделано как задумано. Велислав пустил в небо

еще одну горящую стрелу – сигнал отхода.

– Все! Уходим! За мной ребята!

Подхватив легкие копыя-сулицы, охотники припустили к лесу. Велислав на мгновение оглянулся и увидел, что остальные тройки не мешкают и стремительно несутся прочь от лагеря. Вторую горящую стрелу увидели все.

А тем временем в лагерь бруктеров врубилась дружина виннетского князя. Они отвлекала внимание викингов. Но этого не требовалось. Вестфолдингам не до нападавших альтидцев. Уцелеть бы самим! Ошалевшие викинги отбивались от бруктеров, но... На одного вестфолдинга сразу набрасывалась дюжина – а то и больше – дикарей. А на месте изрубленных появлялись новые и новые! То, как использовали бруктеров викинги, обернулось обратной стороной: дикари одолевали своих поработителей числом. Уцелевшие вестфолдинги не могли изменить ход битвы, но сделали ее еще более ожесточенной. Гудел рог, звенели мечи. Викингам все-таки удалось сплотиться в единый отряд-вепрь, и сейчас ожесточенно отбиваясь, они медленно двигались на закат.

Ощетинившаяся копиями дружина виннетского князя тоже отходила к лесу. Но на нее никто не нападал.

Велислав не стал смотреть, чем кончится дело. И так все ясно.

Казалось, весь этот необычный налет занял немного времени, но к его концу уже почти рассвело и из-за леса, на крае голубеющих небес, алела заря нового дня.

Подходя к лесу, Велислав увидел, что в поле выходят альтидские войска. «Наверно для боя строятся, – мелькнула мысль, – но ведь это не нужно – мы победили». Остановившись, Велислав стал поджидать вендских охотников. Они подходили к лесу издалека, с разных сторон: ведь после налета все бросились врассыпную, кто куда – лишь бы подальше от лагеря. Велислав тревожно вглядывался в каждое лицо. Потом просветлел: все живы. Когда охотники собрались, Велислав улыбнулся и весело спросил: – Ну, как? Удачно поохотились? Все целы?

Впрочем, последний вопрос был ни к чему. И так ясно, что, отстрелявшись, все успели уйти целыми и даже невредимыми.

– Целы, целы! Стрелять несложно, главное ноги унести! – отозвался задорный голос.

– Ну и ладно. Отдыхаем, друзья. Мы свое дело сделали. Нападать на Альтиду некому.

Велислав вгляделся вдаль.

К лесу подходила виннетская дружина. А вот в ней были раненые и даже, кажется, убитые. Кого-то несли на составленных копьях. Дружинники бились в самом лагере. Немудрено: ни в одном бою без жертв не обходится. Но ярко-красный плащ князя Молнезара Велислав увидел издалека.

Вчера вечером Велислав убеждал князя, что не стоит выделяться. Ведь его дружина пойдет не в большую сечу, а в легкий налет – для того, чтобы отвлечь внимание. Поэтому

уместный в большом бою яркий приметный плащ был совсем ни к чему. «Эх, князь! – подумал Велислав.– Упрямя! Не переубедишь. Впрочем, в темноте красный цвет не так заметен, как при солнце...»

Князь заметил Велислава. Отдав приказ шедшему рядом сотскому, он повернул к вендским охотникам. Дружина князя Молнезара пошла дальше, а виннетский князь и молодой венд поспешили друг другу навстречу.

– Ну что, Велислав! Победа?!

– Победа, князь! Ты только взгляни, как они там друг друга молотят! Я думаю, скоро от викингов и следа не останется!

Князь, щурясь, смотрел вдаль, на пыльное облако. Оттуда долетал шум сражения.

– Ничего не вижу! Ну и зрение у тебя, охотник!

– Так ведь и я не вижу, князь! Просто знаю!

Они рассмеялись. Князь похлопал Велислава по плечу.

– Отдохнуть бы, в баньку сходить, да дело до конца не доведено. Подождем.

– Подождем, князь, – весело согласился Велислав

– Пошли к воеводам, им тоже надо знать, как дело было...

К полудню пыльное облако осело. Незадолго до этого наблюдатели увидели, что из него вырвалось несколько десятков всадников и нещадно гоня лошадей поскакали на закатную сторону. Погони за ними не было. А над стойбищем бруктеров кружили черные тени. Стервятники знают: битва – это добыча, пир. Надо только дожждаться.

– Викинги! – восторженно крикнул кто-то из воевод. – Ноги уносят! Ну-у дела! И биться не стали, чтобы в Валгаллу с кровавым мечом придти! Непохоже на них.

– Наверно такие викинги, – вполголоса сказал князь Молнезар. – Они с самого начала честь не блюли. Чужими руками бились...

– Князья! Воеводы! Ну что, добьем врага, пока он слаб? – предложил полоцкий князь. – Чтобы после этого разгрома даже смотреть в альтидскую сторону боялись!

– А стоит ли, князь? – слегка удивился Велислав. – Викингов нет, опаивать бруктеров некому. И вести их дальше некому. Да и не пойдут они дальше. Вы же знаете – не по своей воле шли. Хорошо бы с ними перетолковать. Может, их едой, какой ни на есть снабдить? Разъяснить – где они, путь домой указать? Добро худо переможет. Не устоять худу против добра...

– Угу, верно говоришь, – согласился полоцкий князь. – Только хорошо добро тому делать, кто его помнит. А вот вспомнят ли потом дикари, что мы к ним с добром отнеслись?

– Позже узнаем, что они дальше делать хотят. Пусть остынут. Им под викингом несладко приходилось. Как живы-то до сих пор, как от бескормицы еще ноги таскают?

– Вечером к ним пойдём, – невозмутимо сказал князь Молнезар. – Велислав прав. Сначала добром. Ну а если... – что «если», он не договорил. – Одна рука его сдвинула черен

меча, а вторая сжалась так, что хрустнули пальцы.

К вечеру Велислав и Прозор и князь Молнезар поскакали к лагерю бруктеров. За ними ехала сотня доверенных княжеских дружинников. Князь Молнезар решил окончательно закрепить победу. Хотя воевать вроде никто не собирался. Бруктеры, после того как перебили викингов, так и не сделали ни одной попытки куда-либо двинуться: ни на восход, ни на закат.

Копыта коней мягко ступали по высокой траве. За день земля пропеклась. Бездонное, безоблачное небо истекало зноем. Но люди как будто не чувствовали жары. Порой казалось: все, что произошло сегодня ранним утром – всего лишь сон. Чудесный радостный, но сон. «Хорошо, что все кончилось, – стряхнул наважденье Велислав. – Эвон, какое пекло! А ведь они сегодня бы двинулись! Точно! Лес запалили бы... Эх!»

Не проехав и половины пути, дружинники пустили лошадей неспешным шагом. Пусть дикари видят, что воины едут к ним не спеша, с добрыми намерениями. Когда до лагеря оставалось не больше версты, альтидцы остановились.

– Может спешимся, князь? – предложил Велислав

Молнезар повернулся к своей дружине. Поднял руку.

– На землю, воины! Пусть видят, что мы с миром!

Спешившись, дальше не пошли. Стояли настороже. Малейшая опасность, и воины взлетят на своих скакунов. Но все обошлось. От лагеря в сторону альтидцев также неспеш-

но направилось несколько десятков дикарей. Прозор, морща лоб, пересчитывал. Потом обернул изумленное лицо к Велиславу.

– Их сотня, и еще три бруктера! Как и нас! Точно, войны не хотят!

Впереди бруктеров шел высокий, чуть ли не на две головы выше остальных, дикарь. Узловатые пальцы его левой руки сжимали увенчанную шипами дубинку, а правая держала круглый узорчатый щит. Он вряд ли полностью прикрыл бы грудь дикаря. Она была настолько широка, что щит в его руке казался каким-то несерьезным, чуть детским. Прозор даже завистливо крякнул. Он считал себя настоящим богатырем. И по праву, – вендских лесах он еще не встречал равных ему и по мощи, и по стати. «Пожалуй, я бы его одолел, – утешился молодой венд. – Но бороться нам точно не дадут, не то время, чтобы поединки устраивать...» На плечах бруктера висела мохнатая шкура неведомого вендским охотникам зверя. Остальные дикари подстать предводителю: тоже обмотаны шкурами и так же вооружены – дубинками и щитами. Только что ростом поменьше, и не такие здоровые.

Бруктеры остановились. Их предводитель бросил на землю дубину и щит, воздел кверху руки, показывая, что они пусты и что зла от него ждать не надо. Неожиданно для альтидцев он что-то загорланил низким, рыкающим, схожим с ревом хищного зверя, голосом.

– Что это он голосит, князь? – тихо спросил Велислав. Он

напряженно вслушивался, но не мог разобрать ни слова. – Мне его наречье неведомо.

– Спрашивает, не те ли мы люди, что напали на них ночью и учинили великий разбой над их врагами – викингами.

– На каком языке он говорит?

– По-фризонски, но какой-то он не такой. Смутный... Я сам с трудом разбираю. Сейчас попробую ответить.

Князь набрал в грудь побольше воздуха, и стал что-то громко кричать.

Казалось, бруктер напряженно вслушивается. Затем он сделал несколько шагов вперед, все так же показывая пустые руки. Еще два дикаря тоже сложили оружие и стали рядом с предводителем.

– Ну, Прозор, придется тебе за главного быть, – усмехнулся князь Молнезар. – Они хотят поговорить мирно. Надо этим воспользоваться.

– Я с ним пойду, князь. – Велислав положил на землю лук, снял с пояса длинный охотничий нож. – Мало ли что... Знаешь, князь, я немного разумею язык вестфолдингов. Когда первый раз в разведку ходили, я слышал – викинги с бруктерами по-своему говорили.

Князь Молнезар отцепил от пояса меч. Положил на землю щит. Кивнул сотскому – мол, ты за главного, смотри в оба.

– Все пойдем. Их трое, и нас трое.

Альтидцы и дикари медленно пошли навстречу друг другу. Встретились на полпути. Предводитель бруктеров снял

с плеч косматую шкуру и размашисто бросил ее на земли. Затем плотно на нее уселся, указав своим товарищам, чтобы садились тоже. Что ж, в ногах правды нет. О важном говорить – надобно хорошо расположиться.

Князь Молнезар неторопливо расстегнул бляху своего красного плаща и так же размашисто бросил его оземь. Усевшись, показал на место возле себя. Велислав и Прозор не заставили себя ждать. Все проделали так же, как и бруктеры. Даже чуть ли не все движения повторили. Видимо бруктерам это понравилось. Их предводитель, оглядев Прозора, прищелкнул языком и улыбнулся. Молодой богатырь улыбнулся в ответ. Кажется, разговор получится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.